

Crème des Violettes

ИГОРЬ-СЪВЕРЯНИНЪ

Сыжовы

Агаче
"ВЪСТИ ДИЯ"
ТАЛИТУС
ТАШИН.

ODAMEES

Crème des Violettes

Игорь-Съверянинъ

MCMXIX

Избранные поэмы

Я упоенъ. Я вешній. Я тихій. Я грезёръ.
И развѣ виновать я, что лиліи колеть
Такъ рѣдко можно встрѣтить, что путь безъ лилій
сѣрь?..
О, ядъ мечты фіалокъ, — о Crème de Violette...

1911

Полонезъ „Титанія“

(„Міглон“, арія Филины)

1.

Зовусь Титаніей, царицей фей,
Я, лунокудрая нимфея — ночь!
Мой пажъ, сообщникъ мой, нѣмой Морфей,
Соткаль юнь,
Буаля дунь;
Но только дунь, —
Прочь!

2.

Благоуханная, какъ дѣтскій сонъ,
И легковѣйная, какъ мотылекъ,
Порхаю всюду я, и, вознесенъ
Моимъ крыломъ,
Міръ сталь орломъ;
Взмахну жезломъ,
Легъ!

3.

Со свитой эльфовой сажусь въ челнокъ
На хрупкихъ крылышкахъ, къ Землѣ летя,
Я изъ дурманъ-травы плету вѣнокъ
И на лету
Всю волю ту
Въ него вплету
Я!

Поэза алыхъ туфель

Ало-атласныя туфли были поставлены на столъ,
Но со стола поднимались и прижимались къ губамъ...
Создалъ сапожникъ - художникъ, а инженеръ вами
хвасталъ:

Ало-атласныя туфли глазъ щекотали гостямъ.

Ало-атласныя туфли, вы, — наподобіе гондолъ, —
Помните температуру требовательной ноги?
Ало-атласныя туфли, сколько купившій васъ отдалъ
Разума и капитала — знаетъ одинъ Ибрагимъ...

Ало-атласныя туфли съ дымчатымъ кроличьимъ мѣхомъ
Грѣлись кокетно въ ладоняхъ и утопали въ коврахъ,
Топали въ пламенномъ гнѣвѣ, то содрагались вы
смѣхомъ,
Васъ на подносахъ носили на вакханальныхъ пирахъ!..

Плавали бурно въ шампанскомъ, кушали пряные
трюфели,
Аэропланомъ взлетали, били мужчинъ по щекамъ...
Ало-атласныя туфли! Ало-атласныя туфельки!
Вы, чьи носки къ молодежи! Чьи каблуки къ
старикамъ!

1917

— Мороженое изъ сирени!

— Мороженое изъ сирени! Мороженое изъ сирени
Полпорціи десять копеекъ, четыре копейки буше.
Сударышни, судари, надо-ль? — не дорого — можно
безъ преній...
Поѣшь деликатнаго, площадь: придется товаръ по душѣ!

Я сливочнаго не имѣю, фисташковое все распродалъ...
Ахъ, граждане, да неужели вы требуете кремъ-брюле?
Пора популярить изыски, утончиться вкусамъ народа,
На улицу спеціи кухонь, огимнивъ эксцессъ въ вирэле!

Сирень — сладострастья эмблема. Въ лилово-
изнѣженномъ кренѣ
Зальдись, водопадное сердце, въ душистый и сладкій
пушокъ...
Мороженое изъ сирени! Мороженое изъ серени!
Эй, мальчикъ со сбитнемъ, попробуй! Ей Богу,
похвалишь, дружокъ!

Качалка грезёрки

Л. Д. Рындиной

Какъ мечтать хорошо Вамъ
Въ гамакъ камышевомъ
Надъ мистическимъ окомъ—надъ безтиннымъ прудомъ!
Какъ мечты — сюрпризёрки
Надъ качалкой грезёрки
Истомленно лунятся: то — Верлэнъ, то — Прюдомъ.

Что за чудо и диво! —
То Вы — лэди Годива,
Черезъ мигъ — Иоланта, черезъ мигъ Вы — Сафо...
Стойтъ Вамъ повертѣться, —
И загрязится сердце:
Все на свѣтѣ возможно, все для Васъ ничего!

Покачнетесь Вы влѣво, —
Королевъ Корелева,
Властелинша планеты голубыхъ антилопъ,
Гдѣ, отъ вздоховъ левкоя,
Упоенье такое,
Что загрязить порфирой заурядный холопъ!

Покачнетесь Вы вправо, —
Улыбнется Вамъ Слава,
И дохнетъ Ваше имя, какъ цвѣты райскихъ клумбъ;
Прогремитъ Ваше имя,
И въ околнненномъ дымѣ
Вы сойдете на Землю, — мирозданья Колумбъ!

А качнетесь Вы къ выси,
Гдѣ мигающій бисеръ,
Вы постигнете тайну: вѣчной жизни процессъ,
И мечты — сюрпризѣрки
Надъ качалкой грезѣрки
Воплотятся въ капризный, но безсмертный Экссессъ!

1911

Цвѣтокъ букета дамъ

Въ букетъ дамъ Амьенскаго beau mond'a
Звучнѣ всѣхъ риѐмуетъ съ резедой
Bronze-oxidé блондинка Эсклармонда,
Цвѣтя бальзаколѣтнею звѣздой.

Она остра, какъ квинтъ-эссенца спецій,
Ея бравадамъ нуженъ резонансъ,
Въ любовники беретъ „господь съ трапецій“
И, такъ сказать, смакуетъ mesalliance...

Условностямъ всегда бросаетъ: „schoking!“
Экстравагантно выпускаетъ лифъ,
Лорнируетъ базарно каждый смокингъ,
Но не во всякомъ смокингѣ к а л и ф ъ...

Какъ устрицу, глотаетъ съ аппетитомъ
Дежурнаго огейзерную дань...
При этомъ всемъ — со вкусомъ носить титуль,
Иной щекѣ даря свою ладонь.

1911

Въ блестящей тьмѣ

Въ смокингахъ, въ шикъ опробованные, велико-
свѣтскіе олухи
Въ княжьей гостиной наструнились, лица свои оглупивъ:
Я улыбнулся натянуто, вспомнилъ сарказмно о порохѣ:
Скуку взорвалъ неожиданно нео-поэзный мотивъ.

Каждая строчка — пощечина. Голосъ мой — сплошь
издѣвательство.
Риѣмы слагаются въ кукиши. Кажеть языкъ ассонансъ.
Я презираю васъ пламенно, тускляя Ваши Сіятельства.
И, презирая, рассчитываю на міровой резонансъ!

Блесткая аудиторія, блескомъ ты зло отуманена!
Скрыть отъ тебя, недостойная, будущаго горизонтъ!
Тускляя Ваши Сіятельства! Во времена Сѣверянина
Слѣдуетъ знать, что за Пушкинымъ были и Блокъ,
и Бальмонтъ!

Дионрамбъ

Почему не брать отъ жизни
все, что она даетъ?..

Генрихъ Ибсенъ.

Цвѣтовъ! огня! вина и кастаньетъ!
Пусть блестятъ „да“! Пусть онѣмѣтъ „нѣтъ“!
Пусть разсмѣется дерзновенное!
Живи, пока живешь! Спѣши, спѣши
Любить, ловить мгновенное!
Пусть жизнь за счастье сдачи дастъ гроши, —
Что толку въ томъ, когда — все тлѣнное?!
Пей! хохочи! танцуй! смѣши!

Воспламенись! всѣхъ жги! и самъ гори!
Сгори! — что тамъ беречь?!
Рискуй! рубись! выигрывай пари!
Въ свой фазтонъ сумѣй моментъ запречь!
Сверкай мечомъ! орломъ пари!
Бери!!.

1909

Увертюра къ т. III

Ананасы въ шампанскомъ! Ананасы въ шампанскомъ!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я въ чемъ-то норвежскомъ! весь я въ чемъ-то
испанскомъ.
Вдохновляюсь порывно! и берусь за перо!

Стрекоть аэроплановъ! бѣги автомобилей!
Вѣтропросвистъ экспрессовъ! крылолетъ буэровъ!
Кто-то здѣсь зацѣлованъ! тамъ кого-то побили!
Ананасы въ шампанскомъ — это пульсъ вечеровъ!

Въ группѣ дѣвушекъ нервныхъ, въ остромъ
обществѣ дамскомъ
Я трагедию жизни претворю въ грезофарсъ...
Ананасы въ шампанскомъ! Ананасы въ шампанскомъ!
Изъ Москвы — въ Нагасаки! изъ Нью-Йорка —
на Марсъ!

1915

Маріонетка проказъ

Новелла

Чистокровныя лошади расплылиси въ припляскѣ,
Любопытствомъ и трепетомъ вся толпа сражена.
По столичному городу проѣзжаетъ въ коляскѣ
Кружевная, капризная властелина жена.

Улыбаясь презрительно на крутые поклоны
И считая холопами безъ различія всѣхъ,
Вдругъ замѣтила женщина — тамъ, гдѣ храма колонны,
Нѣчто красочно-рѣзкое, задохнувшее смѣхъ :

Оборванецъ, красивѣе всѣхъ любовниковъ замка,
Шевелилъ ея чувственность, раболѣпно застывъ.
И проснулась въ ней женщина, и проснулась въ
ней самка,
И она перед рнулась, какъ въ оркестрѣ мотивъ.

Повелѣла капризница посадить оборванца
На подушку атласную прямо рядомъ съ собой,
И толпа оскорбленная не сдержала румянца,
Хоть наружно осталася безнадежной рабой.

А когда перепуганный — очарованный нищій
Безсознательно выполнилъ гривуазный приказъ,
Утомленная женщина, отшвырнувъ голенищи,
Растоптала коляскою маріонетку проказъ.

1910

Гастрономы древности

Лукулль, Октавій, Полліонъ,
Апицій, Клавдій — гастрономы!
Вашъ гурманическій законъ:
Устроить пиръ, вспѣнить ритонъ
И уѣдаться до истомы.

Прославленный архимагиръ,
Одѣтый чуть не въ латиклаву,
Причудами ѣды весь міръ
Дивиль, и рокотанье лиръ
Отмѣтило его по праву.

Не разъ въ шелкахъ имплувиать,
Закутавъ головы кукулемъ,
Къ Лукуллу толпы шли мѣнадъ
Пить выгрозденный виноградъ,
Соперничающій съ іюлемъ...

Изъ термъ Агриппы самъ Неронъ,
Искавшій упоенья въ литрѣ,
Шель къ гастрономамъ снить свой сонъ,
И не Нерономъ ли пронзень
Пронзающій его Димитрій?

И не на этихъ ли пирахъ
Тотъ, кто рожденъ съ душой орлиной, —
Пизонъ, Петроній, — палъ во прахъ,
Сраженный той, чье имя — страхъ:
Статилію — Мессалиной?

Сонаты въ штормъ

На Вашихъ эффектныхъ нервахъ звучали всю ночь
сонаты,
А Вы возлежали въ башнѣ на ландышевомъ коврѣ...
Трещала, палила буря, и якорные канаты,
Какъ будто титаны-струны, озвучили весь корветъ.

Но развѣ Вамъ было дѣло, что гдѣ-то рыдаютъ и
стонуть,
Что бѣшенный штормъ грохочетъ, бросая на скалы
фрегатъ.
Вы пили вино мятежно, Вы брали монбланную ноту!
Сверкали агаты брошекъ, но ярче былъ взоровъ агать!

Трещала, палила буря. Стонала дворцовая пристань.
Кричали и гибли люди. Корабль набѣгалъ на корабль.
А Вы, сѣменя гранаты, смѣясь цѣловали артиста...
Онъ сѣлъ за рояль, какъ геній, — окончилъ игру,
какъ рабъ...

1911

Шампанскій полонезъ

Шампанскаго въ лилію! Шампанскаго въ лилію! —
Ея цѣломудріемъ святѣть оно.
Mignon съ Escamillio! Mignon съ Escamillio!
Шампанское въ лиліи — святое вино.

Шампанское, въ лиліи журчащее, искристо —
Вино, упоенное бокаломъ цвѣтка.
Я славлю восторженно Христа и Антихриста
Душой, обоженною восторгомъ глотка!

Голубку и ястреба. Ригсдагъ и Бастилю!
Кокотку и схимника! Порывность и сонъ!
Въ шампанское лилію! Шампанскаго въ лилію!
Въ моряхъ Дисгармоніи — маякъ Унисонъ!

Это было у моря

Поэма-мишень

Это было у моря, гдѣ ажурная пѣна,
Гдѣ встрѣчается рѣдко городской экипажъ...
Королева играла — въ башнѣ замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбилъ ее пажъ.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерѣзать гранатъ;
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся въ мотивахъ сонатъ.

А потомъ отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, гдѣ волна бирюзова,
Гдѣ ажурная пѣна и соната пажа.

1910

Зизи

„Постигнуть сердцемъ все возможно
непостижимое уму“...

К. Ф о ф а н о в ъ.

Безшумно шло моторное ландо
По „островамъ“ къ зеленому „пуанту“,
И взоръ Зизи, пѣвучѣе рондо,
Скользя въ лорнетъ, томилъ колѣни франту...

Хруститъ отъ шинъ заносчиво шоссе,
И воздухъ полнъ весенняго удушья,
Въ ея душѣ — осколки строфъ Мюссе,
А на лицѣ — обидное бездушье.

Зизи, Зизи! Тебѣ себя не жаль?
Не жаль себя, бутончатой и кроткой?
Иль, можетъ быть, цѣла души скрижаль,
И лилія не можетъ быть кокоткой?

Останови моторъ! сними манто
И шелкъ бѣлья, безчестья паутину,
Разбей кольцо и, выйдя изъ ландо,
Смой наготой муаровую тину!

Что до того, что скажетъ Пустота
Подъ шляпками, цилиндрами и кэпи!
Что до того! — такая нагота
Великолѣпнѣй всѣхъ великолѣпій!

Нелли

Константину Олипову

Въ будуарѣ тоскующей нарумяненной Нелли,
Гдѣ подѣ пудрой молитвенникъ, а на ней Поль де-
Кокъ,
Гдѣ брюссельское кружево... на платкѣ изъ фла-
нели! —
На кушеткѣ загорелся молодой педагогъ.

Познакомился въ оперѣ и влюбился, какъ юнкеръ.
Онъ готовъ осупружиться, онъ рѣшился на все.
Передъ нею онъ держится, точно мальчикъ, на
стрункѣ,
Съ нею въ паркѣ катается и играетъ въ серсо.

Онъ читаетъ ей Шницлера, посвящаетъ въ коктэбли,
Восхваливъ авіацію, осуждаетъ Китай
И, въ ревнивомъ невѣрїи, тайно мѣтитъ въ кон-
стэбли...
Нелли нехотя слушаетъ, — „лучше ты покатай“.

„Философія похоти!“ ... Нелли думаетъ ѣдко:
„Я въ любви разувѣрилась, господинъ педагогъ...
О, когда бы на „Блеріо“ помѣстилась кушетка!
Иинтродукція — Гауптманъ, а финаль — Поль де-
Кокъ!“

Клубъ дамъ

Я въ комфортабельной каретѣ, на эллипсическихъ
рессорахъ,
Люблю заѣхать въ златополдень на чашку чая въ
жено-клубъ,
Гдѣ вкусно сплетничаютъ дамы о свѣтскихъ дрязгахъ
и о ссорахъ,
Гдѣ глупый вправѣ слыть не глупымъ, но умный
непремѣнно глупъ...

О, фешенебельныя темы! отъ васъ тоска моя
развѣется!
Трепещутъ губы иронично, какъ земляничное желе...
— „Индѣйцы — точно ананасы, и ананасы —
какъ индѣйцы“...
Остричь креолка, вспоминая о экзотической землѣ.

Градоначальница зѣваетъ, облокотясь на піанино,
И смотреть въ окна, гдѣ истомно бредетъ
хмельющій іюль.
Вкругъ золотѣетъ паутина, какъ символъ лѣнныхъ
плѣновъ сплина,
И я, сравнивъ себя со всѣми, люблю клубъ дамъ
не потому-ль?..

1912

M-me Sans-Gêne

Разскаъ путешественницы

Это было въ тропической Мексикѣ, —
Гдѣ еще не спускался бипланъ,
Гдѣ такъ вкусны пушистые персики, —
Въ бѣломъ ранчо у моста лианъ.

Далеко-далеко, за льяносами,
Гдѣ цвѣты ядовитѣе змѣй,
Съ индіанками плоско-курносыми
Повстрѣчалась я въ жизни моей.

Я гостила у дикаго племени,
Кругозоръ былъ и яркъ, и новъ.
Много-много ужъ этому времени!
Много-много ужъ этому сновъ!

Съ жаркой кровью, бурливѣе кратера
Краснокожій металъ бумерангъ,
И нерѣдко отъ выстрѣла скваттера
Уносилъ его стройный мустангъ.

А бывало: пунцовыми ранами
Пачкаль въ ранчо бамбуковый полъ...
Я кормила индѣйца бананами,
Уважать заставляла свой полъ...

Задушите меня, зацарапайте, —
Предпочтенье отдамъ дикарю,
Потому что любила на Западѣ
И за это себя не корю...

Процвѣтъ Амазоніи

Въѣзжаетъ дамыя кавалерія
Во дворъ дворца, подъ алыи звонъ.
Выходитъ президентъ Валерія
На бѣломраморный балконъ.

Съ лицомъ нѣмымъ, съ душою пахотной,
Кивая сдержанно полкамъ,
Передастъ накидокъ бархатный
Предупредительнымъ рукамъ.

Сойдя олиленной лѣстницей,
Она идетъ на правый флангъ,
Гдѣ передъ нею, предъ извѣстницей,
Уже безумится мустангъ.

Подъ полонезъ Тома блистательный
Она садится на коня,
Командой строго-зажигательной
Всѣ эскадроны съедина.

Отъ адъютанта донесенія
Принявъ, зоветъ войска въ походъ:
„Ахъ, наступаютъ дни весенніе
И надо же... найти исходъ...“

Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ мужчины умерли,
Утѣха женщины — война...
Мучительны весною сумерки,
Когда призывишь, — и одна...

Но есть страна — mesdames, довѣріе! —
Гдѣ живъ одинъ орангъ-утангъ.
И онъ — воскликнула Валерія —
Онъ будетъ нашъ! Впередъ мустангъ!“

И увядавшая лавзонія
Вновь заструила фиміамъ . . .
Такъ процвѣтаетъ Амазонія,
Вся состоящая изъ дамъ.

1913

Самоубійца

Вы выбѣжали изъ зала на вѣтровую веранду,
Повисшую живописно надъ пропастью и надъ рѣкой.
Разнитивъ клубокъ восторга, напомнили Ариадну,
Гирлянду нарциссовъ бѣлыхъ искомкали смуглой рукой.

Вамъ такъ надоѣли люди, но некуда было дѣться.
Хрипѣла и выла пропасть. Въ рѣкѣ утопалъ рыболовъ.
Изъ оконъ смѣялся говоръ. Оркестръ игралъ
интермеццо.
Лицо Ваше стало блѣднымъ, и взоръ бирюзовый —
лиловъ.

Какъ выстрѣлъ, шатнулись двери. Какъ крылья,
метнулись фраки.
Картавила банда дэнди, но Вамъ показалось — гориллѣ.
Какъ загнанная лисица, дрожа въ озаренномъ мракѣ,
Кого-то Вы укусили и прыгнули въ бездну съ периль!

1912

Женщина въ тюльбэри

Она прїѣзжала ко мнѣ въ голубомъ тюльбэри,
Когда утомленное солнце смѣнялось луною.
Встрѣчалъ ее конюхъ, принявъ отъ нея: „убери.“
Она поспѣшала скорѣй повидаться со мною
И быстро взбѣгала, заставивъ шептаться батистъ,
На темный балконъ, проходила поспѣшно вдоль зала
И — въ мой кабинетъ. Улыбалась, какъ тонкій
артистъ...
А сердце любило, хотя о любви не сказало!
Стихала въ дверяхъ. Я перо оживлялъ за столомъ,
Рисуя мгновенье... Глаза наслаждались глазами...
Затѣмъ подходила, склоняясь высокимъ челомъ,
И я цѣловалъ ея губы, сверкая слезами.
Мы съ ней говорили немного: зачѣмъ намъ слова,
Когда мы сольемся въ молчаньи чудеснѣй и краше?
Я пилъ эти губы... Она успѣвала едва
Наполнить ихъ страстью и вновь подносила,
какъ чаши...

1909

Поэза о тысяча первомъ знакомствѣ

Лакей и сенъ-бернаръ — ахъ, оба баритоны! —
Встрѣчали насъ въ дверяхъ отвѣтомъ на звонокъ,
Камелии. Ковры. Гостиной сребротоны.
Два пуфа и диванъ. И шесть безшумныхъ ногъ.

Мы двое къ ней пришли. Она была чужою.
Онъ зналъ ее, но я представленъ въ этотъ разъ.
Мнѣ сдержанный привѣтъ, и сенъ-бернару Джю
Уйти куда-нибудь и не мѣшать — приказъ.

Салонный разговоръ, удобный для аббата,
Для доблестной ханжи и столь же для гетеръ,
И мы уже не мы: Альфредъ и Травіата.
И вотъ уже оркестръ. И вотъ уже партеръ.

Такъ, входимъ въ роли мы совсѣмъ произвольно.
Но рѣжетъ сердце мнѣ точеный комплиментъ.
Какъ больно говорить! Какъ нестерпимо больно,
Когда предвидишь вотъ любой, любой моментъ!

Все знаемъ напередъ, и будетъ то, что смято
Когда-то, кѣмъ-то, какъ и гдѣ — не все равно-ль?
И въ ужасѣ, въ доскѣ, — Альфредъ и Травіата, —
Мы шутимъ — какъ тогда! — лелѣя нашу боль...

Поэза трехъ принцессъ

Моя дежурная адъютантесса, —
Принцесса Юніа де-Віантро, —
Вмѣлилась въ комнату быстрѣй экспресса,
И доложила мнѣ, смѣясь остро:

„Я къ вамъ по поводу Торкватто Тассо...
Въ гаремѣ — паника. Грозитъ бойкотъ...
Въ негодованіи княжна Инстасса
И къ свѣтозарному сама идетъ.

Мнѣ даже некогда пригубить жало,
И взоръ сиреневый плеснуть въ лазорь:
Бѣгу — мороженое изъ фіалокъ
Вамъ выльдить къ празднику Лимонныхъ Зорь...“

И фіолетовая, какъ черника,
Фигурка Юніи газѣлитъ въ садъ.
Дверь раскрыляется, и Вероника
Уже готовится журчать докладъ:

„Я къ Вамъ по поводу Торкватто Тассо...
Въ гаремѣ — паника. Грозитъ бойкотъ...
Въ негодованіи княжна Инстасса,
И къ свѣтозарному сама идетъ.

Но — ахъ! — мнѣ некогда къ Вамъ на колѣни,
„Кальвиль раздорія“ среди принцессъ;
Варить приходится ликеръ сирени
Для неисчерпываемыхъ поэзъ.“

И точно ласточка въ окно порхнула,
Слегка вервэною проколыхавъ...
Виолончелили отъ меццо-гула
Въ саду наструненныя души травъ...

И въ этихъ отгулахъ рванулись двери, —
И, изумительнѣйшій гастрономъ,
Знатокъ изысканнѣйшихъ эксцессерій,
Инстасса въѣхала на ворономъ.

„Мы, изучавшія Торкватто Тассо
По повелѣнію, по твоему, —
Всѣ перессорились... но я, Инстасса,
Всѣхъ оправдаю я и все пойму.

Утишу бѣшенство и шумъ базарный,
Всѣхъ женъ разрозненныхъ объединя,
Лишь ты, мечтанный мой, мой свѣтозарный,
Впусти не въ очередь къ себѣ меня.“

1915

Диссона

Георгію Иванову

Въ желтой гостиной, изъ сѣраго клена, съ обивкою
шелковой,
Ваше Сіятельство любить по вторникамъ томный
журфиксъ.
Въ дамской венгеркѣ комичнаго цвѣта, коричнево-
бѣлковой,
Вы предлагаете тонкому обществу ирисный кэксъ,
Нѣгну вдыхая сигары эрцгерцога абрисъ фіалковый...

Ваше Сіятельство къ тридцатилѣтнему — модному
— возрасту
Тѣло имѣете универсальное... какъ барельефъ...
Душу душистую, тщательно скрытую въ шелковомъ
шелестѣ,
Очень удобную для проститутокъ и для королевъ...
Впрочемъ, простите мнѣ, Ваше Сіятельство, алыя
шалости...

Вашимъ супругомъ, посломъ въ Арлекинїи, ярко
правительство!
Умъ и талантъ дипломата суть высшія качества...
Но для меня, для безумца, его аристократство,
Какъ и поэзы мои для него, лишь чудачество...
Самое-жъ лучшее въ немъ, это — Ваше Сіятельство!

1912

Соната „Изелина“

(Кнутъ Гамсунъ, „Панъ“)

I. Встрѣча

Спи, спи! пока ты будешь спать,
Я расскажу тебѣ о ночи
Моей любви, какъ не отдать
Себя ему — не стало мочи.

Я дверь забыла запереть
Свою шестнадцатой весною:
Ахъ, вѣялъ теплый вѣтеръ вѣдь,
Ахъ, что-то дѣлалось со мною...

Онъ появился, какъ орелъ.
Мы встрѣтились однажды утромъ
Передъ охотой. Онъ пришелъ
Изъ странствій юно-златокудрымъ.

Со мной по саду онъ гулялъ
И, лишь меня рукой коснулся,
Онъ близкимъ, онъ роднымъ мнѣ сталъ —
Въ насъ точно кто-то вострепнулся.

И у него на бѣломъ лбу
Два лихорадочныхъ и красныхъ
Пятна явилось. Я судьбу
Узрѣла въ нихъ — въ желаньяхъ страстныхъ.

II. Наивность

Потомъ... Потомъ я вышла въ садъ,
Его искала и боялась
Найти. А губы чуть дрожатъ
Желаннымъ именемъ. Смеркалось.

Вдругъ онъ выходитъ изъ кустовъ
И шепчетъ: „Ночью. Въ часъ“. Вдыхаетъ.
Вдыхаетъ ароматъ цвѣтовъ.
Молчить. Молчить — и исчезаетъ.

Что этимъ онъ хотѣлъ сказать:
„Сегодня ночью. Въ часъ?“ — не знаю,
Вы это можете понять?
Я — ничего не понимаю.

Что долженъ онъ уѣхать въ часъ,
Хотѣлъ сказать онъ, вѣроятно?..
Что мнѣ за дѣло! вотъ такъ разъ:
Зачѣмъ мнѣ это непонятно?..

III. Первое свиданіе

И вотъ я забываю дверь
Свою закрыть, и въ часъ онъ входитъ...
Какъ я изумлена теперь,
Что дверь открытою находитъ!..

— Но развѣ дверь не заперта?.. —
Я спрашиваю. Предо мною —
Его глаза, его уста,
Въ нихъ фраза: „я ее закрою“...

Но топота его сапогъ
Боюсь: разбудить онъ служанку.
И стула скрипъ, и топотъ ногъ...
„Не съѣсть ли мнѣ на отоманку?“

— Да, — говорю. Лишь потому,
Что стулъ скрипѣлъ... Ахъ, оттого лишь!..
Онъ сѣлъ, приблизясь къ моему
Плечу. Я — въ сторону. Неволишь?..

Глаза я опустила. Онъ
Сказалъ: „ты зябнешь“. Взялъ за руку,
Своею обнялъ. Входимъ въ сонъ.
Пѣтухъ провозгласилъ разлуку.

IV. Вкушеніе

„Пропѣлъ пѣтухъ, ты слышалъ?“ Сжалъ
Меня, — совсѣмъ я растерялась.
Я бормотала: ты слышалъ?
Ты не ослышался? Металась,

Хотѣла встать. Но вновь на лбу
Пятна два лихорадно — красныхъ
Увидѣвъ, ввѣрила судьбу
Свою глазамъ его прекраснымъ...

Настало утро. Пробудясь,
Я комнаты не узнавала
И даже башмачковъ. Смѣясь,
Себя невольно вопрошала:

Во мнѣ струится что-то. Что-жъ
Во мнѣ струиться-то могло бы?..
Который часъ, — какъ тутъ поймешь
И я — одна? и мы — не оба?..

V. Восторгъ

Ахъ, я не знаю ничего...
Лишь помню: дверь закрыть забыла...
Служанка входить: „Отчего
Свои цвѣты ты не полила?“

— Я ихъ забыла. — Снова та:
„Гдѣ платье ты свое измяла?“
Смѣется сердце. Та-та-та!
О, если бы я это знала!..

Подѣхалъ къ саду фэтонъ...
„И ты не накормила кошку“,
Твердитъ служанка. „Это — онъ!“
Твердитъ мнѣ сердце. Я — къ окошку!

Проси, проси его ко мнѣ, —
Я жду его: мнѣ надо что-то...
И у меня наединѣ —
Запретъ онъ дверь? — одна забота...

VI. Второе свиданіе

Стучится. Отворяю. И,
Желая оказать услугу,
Дверь вмигъ на ключъ. Въ уста мои
Меня цѣлуетъ, какъ подругу.

— Не посылала за тобой, —
Шепчу... „Такъ ты не посылала?“
Смущаюсь и кричу душой:
— Да, мнѣ тебя не доставало!

Да, посылала! да, побудь
Немного здѣсь! — Глаза руками
Закрыла отъ любви, на грудь
Къ нему склонивъ уста съ глазами...

„Но кажется пропѣлъ пѣтухъ?“
Онъ сталъ прислушиваться. Я же
Подумала невольно вслухъ:
— Какъ это могъ подумать даже?

Никто не пѣлъ. Пожалуй, лишь
Кудахтала немного кура...
Онъ мнѣ: „немного погодишь, —
Я дверь запру.“ И вечеръ хмуро

Въ окно взглянулъ. А я едва
Могла шепнуть: — Но дверь закрыта...
Я заперла уже... — Трава,
Деревья, все — луной облито.

VII. У зеркала

У́халъ онъ опять. Во мнѣ
Какъ будто золото струилось.
Я — къ зеркалу. Тамъ, въ глубинѣ,
Влюбленныхъ глаза два свѣтились.

Лишь я увидѣла тотъ взглядъ,
Во мнѣ вдругъ что-то задрожало,
И заструился сладкій ядъ
Вкругъ сердца, выпуская жало...

О, раньше я была не та:
Такъ на себя я не смотрѣла!..
И въ зеркалѣ себя въ уста
Поцѣловать я захотѣла...

1918 Toila

Поэза безъ названія

Князь взялъ тебя изъ дворницкой. Въ шелка
Одѣлъ дитя, удобное для „жмурокъ“...
Онъ для тебя не вышелъ изъ полка,
А поигралъ, и бросилъ, какъ окурокъ.

Онъ роскошью тебя очаровалъ
И отуманилъ слабый умъ ликеромъ,
И возвратилась ты въ родной подвалъ,
Не осудивъ любовника укоромъ.

Пришелъ поэтъ. Онъ сталъ тебѣ внимать
И взялъ къ себѣ въ убогую мансарду,
Но у него была старуха мать,
Язвившая за прежнюю кокарду.

И ты ушла вторично въ свой вертепъ,
А нищій скальдъ „сошелъ, въ тоскѣ, въ могилу“.
Ты не могла трудомъ добыть свой хлѣбъ,
Но жить въ подвалѣ стало не подъ силу.

И ты пошла на улицу, склоняся
Предъ „рокомъ злымъ“, съ раскрытымъ преисъ-
курантомъ.

И у тебя въ мечтѣ остался — князь
Съ душой того, кто грѣлъ тебя талантомъ.

1911

Граціоза

Дмитрію Крючкову

Я нѣжно хотѣлъ бы уснуть,
Уснуть — не проснуться...
Далеко-далеко уйти,
Уйти, — не вернуться...

Хотѣлъ бы ее цѣловать,
Почти не цѣлуя:
Словами, вѣдь, грубо сказать,
Какъ тонко люблю я...

Ни страсти хочу, ни огня,
А боли сляянья,
Чтобъ тѣломъ къ ней въ тѣло войти
Войти для страданья...

Хочу я не тѣла ея,
Но лишь черезъ тѣло
Прочувствовать душу могу
Всецѣло...

1911

Барбарисовая поэза

Гувернантка-барышня
Вносить въ кабинетъ
Въ чашечкахъ фарфоровыхъ
Crème d'épine vinette.

Чашечки неполныя
Дѣвственны на видъ.
Въ золотой печенницѣ
Англійскій бисквитъ.

Въ кабинетъ общество
Въ девять человѣкъ.
Окна въ садъ растворены,
Въ садъ, гдѣ рѣчи рѣкъ.

На березахъ отсвѣты
Неба. О, капризь! —
Волны, небо, барышня
Цвѣта „барбарисъ“.

И ея сіятельство
Навела лорнетъ
На природу, ставшую
Crème d'épine vinette.

1914

Янтарная элегія

Деревня, гдѣ скучаль Евгений,
Была прелестный уголокъ.

А. Пушкинъ.

Вы помните прелестный уголокъ —
Осенній паркъ, въ цвѣту янтарно-аломъ?
И мраморъ урнъ, поставленныхъ бокаломъ
На перекресткѣ палевыхъ дорогъ?

Вы помните студеное стекло
Зеленыхъ струй форелевой рѣчки?
Вы помните комичные опенки
Подъ кедрами, склонившими чело?

Вы помните надъ рѣчкою шалэ,
Какъ я назвалъ трехкомнатную дачу,
Гдѣ плакалъ я отъ счастья и заплачу
Еще не разъ о ласкѣ и теплѣ?

Вы помните... О, да! забыть нельзя
Того, что даже нечего и помнить...
Мнѣ хочется Васъ грезами исполнить
И попроситься робко къ Вамъ въ друзья...

1911

Письмо изъ усадьбы

Въ мои мечты неизреченныя
Вплелась вечерняя печаль.

Мирра Лохвицкая.

Вчера читала я, — Тургеневъ
Меня опять зачаровальъ.
Закатный западъ былъ сиреневъ
И, все въ грядущемъ обезцѣнивъ,
Меня къ былому призывальъ.
Шелъ тихій снѣгъ; вдали долины
Снѣжѣли, точно полотно;
Глядѣли голыя малины
Въ мое любимое окно.
Всегда все то же, все одно...
Мнѣ запечалилось. Я вышла
Въ холодный омертвѣлый садъ, —
Онъ былъ отъ снѣга полосатъ.
Пошла къ каретнику; на дышло
Облокотилась, постоявъ
Минуты двѣ; потомъ я въ сани
Присѣла мягко, крикнувъ Санѣ
Свезти къ рѣкѣ меня. Твоя
Въ то время я была, мой нѣжный,
Тобой дышала въ этотъ мигъ!
А потому я напрямикъ,
Окружена природой снѣжной,
Къ тебѣ стремилась въ мечтѣ...
(Вы, эти, тутъ, — далече тѣ!..) —
Мои мечты... О, знаешь ихъ ты, —
Онѣ неясны, какъ намекъ...
Ихъ понимаютъ только пихты,
А человѣку невдомекъ...
Но ты не думай: я не буду

Былого трогать, — гдѣ та кисть,
Чтобъ передать мою корысть
Къ минувшимъ днямъ? Кто вѣрить въ Будду,
Тому не нуженъ Магометъ.
Какъ міру страшень хвостъ кометъ,
Такъ мнѣ — столица: вѣдь, концерты
Тебя отъ поля отвлекли.
И ужъ давно твои конверты
Я не вскрываю... Заколи!
Замучь меня! повѣсь! — но дай мнѣ
Хотя два слова о себѣ.
Какъ въ алфавитѣ „а“ и „б“,
Такъ мы съ тобою въ нашей тайнѣ.
Я такъ люблю свои поля,
Свои игольчатые рощи.
Что можетъ быть милѣй и проще
Усадьбы нашей? Жизнь паля,
Какъ хворость, въ шелковыхъ салонахъ,
Я такъ измучилась, я такъ
Истосковалась... За „пятакъ“
Я не купила бѣ опаленныхъ
Столичныхъ душъ съ ихъ пустотой,
Задрапированной мишурно.
А здѣсь — то, здѣсь — то! Какъ лазурно
Сіяетъ небо; простотой
Здѣсь вѣетъ воздухъ. Посмотрѣлъ бы,
Какъ я похорошѣла тутъ!
Какъ розы алыя, цвѣтуть
Мои ланиты, — это вербы
Рождаютъ розы на лицѣ!..
Приди ко мнѣ, забудь столицу, —
Я былъ даю за небылицу,
Начало чувствую въ концѣ...
Не бойся „скуки деревенской“,
Предай забвенью мишуру!

Съ твоей душой, душой вселенской,
Не мѣсто тамъ, — „не ко двору“
Пришелся ты; ты только вникни,
Приди ко мнѣ, ко мнѣ приникни,
И позабудься на груди,
Тобой трепещущей... Приди!..

1910

Въ грѣхъ — забвенье!

Ты — женщина, и этимъ ты права.
Валерій Брюсовъ.

Вся радость — въ прошломъ, въ такомъ далекомъ
и безвозвратномъ,
А въ настоящемъ — благополучье и безнадежность.
Устало сердце и смутно жаждетъ, въ огнѣ закатномъ,
Любви и страсти; — его плѣняетъ неосторожность...

Устало сердце отъ узкихъ рамокъ благополучья,
Оно въ уныньи, оно въ оковахъ, оно въ томленьи...
Отчаясь грезить, отчаясь вѣрить, въ нѣмомъ безлучьи,
Оно трепещетъ такую скорбью, все въ гипсѣ лѣни...

А жизнь чаруетъ и соблазняетъ, и перемѣной
Всего уклада семейныхъ будней влечетъ куда-то!
Въ смущеньи сердце: оно боится своей измѣной
Благополучье свое нарушить въ часы заката.

Ему подвластны и вѣрность другу, и материнство,
Оно боится оставить близкихъ, какъ жалкихъ сиротъ...
Но одиноко его бѣенье, и нѣтъ единства...
А жизнь проходить, и склепъ холодный, быть-
можетъ, вырыть...

О, сердце! сердце! твое спасенье — въ твоемъ безумьи!
Горѣть и биться пока ты можешь, — гори и бейся!
Грѣши отважнѣй! — пусть добродѣль — удѣломъ мумій:
Въ грѣхъ — забвенье! а тамъ — хоть пуля, а
тамъ — хоть рельсы!

Вѣдь ты любимо, больное сердце! вѣдь ты любимо!
Люби отвѣтно! люби привѣтно! люби бездумно!
И будь спокойно: живя, ты — право! сомнѣнья, мимо!
Ликуй же, сердце: еще ты юно! И бейся шумно!

1911

За чаемъ послѣ оперы

— Онъ лучший изо всѣхъ моихъ Хозэ. —
Прощебетала пылкая Ирина,
Изящно выпивъ ломтикъ мандарина.
Пѣлъ самоваръ. Отрѣзавъ сыръ въ слезѣ
И разорвавши розанчикъ, старушка
Прошамкала: „ты, дѣтушка, права;
Въ немъ жизнь кипитъ и бьется за права“.
— Безсмертіе, — Ирэнъ мечтала: — душка!.. —

А знаете ли, милыя mesdames,
(Ахъ, господа, мы многого не знаемъ!)
Что теноръ, такъ понравившійся вамъ,
Ужъ не артистъ, а — кости подъ трамваемъ?

1909

Это сонъ или бредъ?..

Это сонъ или бредъ? Это греза иль жизни отрывокъ?

Я опять цѣловалъ эти губы, вкушая отвѣтъ!
И луна расцвѣла, и у ржи золотѣющихъ гривокъ
Отдыхала мечтой, посылая колосьямъ привѣтъ.

Ты ко мнѣ подошла, подошла улыбаясь тревожно,
Заглянула въ глаза, молча руку свою подала...
Это такъ хорошо, что увидѣть во снѣ невозможно!
Это явь! это жизнь! ты не грезилась мнѣ, — ты
была!

1909

Берсеусе сирени

Когда сиреневое море, свой горизонтъ офіолетивъ,
Задремлетъ, въ зеркалѣ вечернемъ луну лимонно
отразивъ,
Я задаю вопросъ природѣ, но, ничего мнѣ не отвѣтивъ,
Въ оцѣпенѣнны сна блистаетъ, и этотъ сонъ ея
красивъ!

Ночь, бѣлой лиліей провѣявъ, взлетаетъ, точно
бѣлый лебедь,
И исчезаетъ бѣлой феей — такъ по весеннему бѣла,
Что жаждутъ жалкую планету своею музыкой онебить,
Брящая золотомъ восхода, румяные колокола.

Всѣ эти краски ароматовъ, всю филигранность
настроений
Я ощущаю бѣлой ночью у моря, спящаго въ стеклѣ,
Когда, не утопая тонетъ, лимонъ луны въ его сирени,
И, отъ себя изнемогая, сирень всѣхъ нѣжитъ на землѣ.

1918 Toila

Любопытство Эклерезиты

— Мама, милая мамочка,
Скоро-ль будет война?
— Что съ тобой, моя дѣвочка?
Можетъ быть, ты больна?

— Всѣ сосѣди сражаются,
Не воюемъ лишь мы.
— Но у насъ, слава Господу,
Всѣ здоровы умы.

— Почему насъ не трогаютъ?
Не плѣнять почему?
— Потому что Миррэлія
Не видна никому...

— Почему жъ наша родина
Никому не видна?
— Потому что вселенная
Намъ съ тобой не нужна...

— Мама, милая мамочка,
Плачетъ сердце мое...
— Различай, моя дѣвочка,
Отъ чужого — свое...

— Ну, а что окружаетъ насъ?
Кто ближайшій сосѣдь?
— Кромѣ звѣздъ и Миррэліи
Ничего въ міръ нѣтъ!

1916 Им. „Бѣльскъ“

Эпиталама Ингридь

Какъ нѣкогда Балькисъ стремилась къ Соломону,
Я къ Эрику неслась на парусахъ души.
Я видѣла во снѣ полярную корону
И ледяной дворець... И музыку тиши
Я слушала, дрожа, предчувствіемъ томима,
Предчувствіемъ того, что вѣчно буду съ нимъ.
И вотъ сбился мой сонъ: я королемъ любима,
И стала я его, и сталъ король моимъ.
О какъ же мнѣ воспѣть вѣнецъ моихъ стремленій,
Вѣнецъ моей любви и торжества вѣнецъ.
Я славлю царство льда, фюрдовъ и оленей,
Любовникъ мой! мой братъ! тсвариць! и отецъ!
Я славлю бѣлый край, въ которомъ ты королишь,
И приношу я въ даръ тебѣ свою страну,
Молю тебя, какъ ты одно лишь небо молишь:
Владѣй мной цѣликомъ! люби меня одну!
Рабою припаду къ блистательному трону —
Цѣлуй меня иль бей! Ласкай иль задуши! —
Подобна я Балькисъ, какъ Эрикъ — Соломону,
Душа моей мечты! мечта моей души!

1916

Интродукція къ т. IX

Я — соловей: я безъ тенденцій
И безъ особой глубины...
Но будь то старцы иль младенцы, —
Поймутъ меня, пѣвца весны.

Я — соловей, — я сѣроптика, —
Но пѣсня радужна моя.
Есть у меня одна привычка:
Влечь всѣхъ въ нездѣшніе края.

Я — соловей! на что мнѣ критикъ
Со всей небожностью своей? —
Ищи, свинья, усладъ въ корытѣ,
А не въ рулладахъ изъ вѣтвей!

Я — соловей, и, кромѣ пѣсенъ,
Нѣтъ пользы отъ меня иной.
Я такъ безсмысленно чудесенъ,
Что Смысль склонился предо мной!

1918 Toila

Сердце, печалься...

Когда за сценою хоръ дѣвушекъ аукаль,
И Восхищеніе писало мемуаръ, —
Ихъ было нѣсколько, нарядныхъ этихъ куколъ,
Пришедшихъ въ оперу послушать свой муаръ.

Пусть сердце разуму шептало: „овуалься...“
Пусть разумъ внемлющій развѣевался въ лунь... —
Ихъ было нѣсколько, непьющихъ влаги вальса,
Бездушно — вдумчивыхъ, и юныхъ, какъ юнь.

...Ахъ, не обидно ли: представить, что у оконъ,
Зеленымъ вечеромъ, затянуты въ корсетъ,
Онѣ не чувствуютъ, какъ бродитъ въ рѣчкѣ окунь,
Какъ фантазируетъ туманъ, бѣлесо-сѣдъ.

Ихъ было нѣсколько, невиннѣе Прилѣпы,
И содержательнѣй, чѣмъ „Тоски“ средній актъ.
Но не обидно ли, — ихъ души были слѣпы
Для впечатлѣнія и спали, точно склепы,
Подъ камнемъ разума, гдѣ высѣчено: — „Тактъ“.

1910

Увертюра къ т. VIII

Весна моя! ты съ каждою весной
Все дальше отъ меня, — мнѣ все больнѣе...
И, въ ужасѣ, молю я, цѣпенѣя:
Весна моя! побудь еще со мной!

Побудь еще со мной, моя Весна,
Какихъ-нибудь два—три весеннихъ года:
Я жизнь люблю! мнѣ дорога природа!
Весна моя! душа моя юна!

Но чувствуя, что ты здѣсь ни при чемъ,
Что старости остановить не въ силахъ
Ни я, ни ты — послѣднихъ лилій милыхъ,
Весна моя, пѣвецъ согрѣть лучомъ...

Взволнованный, я ихъ беру въ вѣнокъ
Твои цвѣты, стихи моего дѣтства
И юности, исполненные дѣвства, —
Изъ подъ твоихъ, Весна, невинныхъ ногъ.

Вѣнокъ цвѣтовъ, — стиховъ наивный томъ, —
Дарю тому безвѣстному, кто любить
Меня всего, кто злобой не огрубить
Ихъ нѣжности, и приметъ ихъ въ свой домъ.

Надменно презираемая мной,
Пусть Критика пройдетъ въ молчаньи мимо,
Не осквернивъ насмѣшкой — серафима,
Зовущагося на землѣ: Весной.

Поэза странностей жизни

Встрѣчаются, чтобъ разлучаться...
Влюбляются, чтобъ разлюбить...
Мнѣ хочется расхохотаться
И разрыдаться — и не жить!

Клянутся, чтобъ нарушить клятвы...
Мечтаютъ, чтобъ клянуть мечты...
О, скорбь тому, кому понятны
Всѣ наслажденія Тщеты!..

Въ деревнѣ хочется столицы...
Въ столицѣ хочется глуши...
И всюду чловѣчи лица
Безъ чловѣческой души...

Какъ часто красота уродна,
И есть въ уродствѣ красота...
Какъ часто низость благородна,
И злы невинныя уста.

Такъ какъ же не расхохотаться,
Не разрыдаться, какъ же жить,
Когда возможно разставаться,
Когда возможно разлюбить?!

1916 Москва

Поэза лунных настроений

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣеть...
Луна серебрѣеть...
Прозрачная тишь...

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣеть...
И лёсъ скелетѣеть...
Зачѣмъ ты молчишь?..

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣеть...
Не дышитъ, не вѣетъ
Озерный камышь...

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣеть...
Поля осенѣютъ...
О чемъ ты грустишь?..

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣеть...
И въ луни свѣтлѣеть
Изгорбленность крышь...

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣеть...
И ликъ твой блѣднѣеть...
Что въ сердцѣ таишь?..

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣеть...
Подняться не смѣетъ
Летучая мышъ...

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣеть...
Мнѣ хочется ласки!.. —
Откликнись! Пойми-жь!

Все глуше паркъ

А. И. Лопатину

Все глуше паркъ. Все тише-тише конь.
Издалека доносится шаконь.
Я утомленъ, я весь ушелъ въ сѣдло.
Май любить ночь, и стало быть — свѣтло...
Я встрѣчь не жду, и оттого свѣтлѣй
И чище вздохъ окраинныхъ аллей,
Надѣвшихъ свой единственный нарядъ.
Не жду я встрѣчь. Мнѣ хорошо. Я радъ.
А помнишь ты, усталая душа,
Другую ночь, когда любить спѣша,
Ты отдавалась пламенно другой,
Такой же пылкой, юной и родной?
А помнишь ты, болѣзная моя,
Какой голубкой грезилась змѣя,
Какъ обманула сердце и мечты?
Нѣтъ не могла забыть той встрѣчи ты.
Май любить ночь, и стало быть — свѣтло...
Качаетъ сонъ, баюкаетъ сѣдло.
Елуждаетъ взоръ межъ лиственныхъ громадъ.
Все глуше паркъ, — все тоньше аромать...

1910

Поэза издалека

Ты ледовитыми глазами
Полгода цѣпенишь меня...
За синелистными лѣсами
Живеть меня добавный я...

Онъ полонъ тѣмъ, чѣмъ я пустью...
Во мнѣ, чемъ онъ опустошень...
Онъ ждетъ тебя, какъ лѣсофею,
Ты ждешь его, какъ лѣсосонь...

Весна смѣняется весной,
И осень — осенью. А я
И ты, живущая со мною,
Все чтимъ добавнаго меня...

1915

Поэза о Бельгii

Вѣрѣ Вертеръ

Кто знаетъ? — ты явь или призракъ?
Ты будешь ли? есть ли? была ль?
Но ликъ твой прекрасный намъ близокъ,
Въ которомъ восторгъ и печаль...

Волшебница! ты златодарна:
Твоихъ городовъ карусель,
Подъ строфы Эмиля Верхарна
Кружа, кружевѣтъ Брюссель.

Не вѣримъ — не можемъ! не смѣемъ! —
Что въ брызгахъ снарядовыхъ пѣнь,
Смертельно ужаленный змѣемъ,
Сгорѣлъ бирюзовый Лувэнъ...

И чей это, шопоть, crescendo
Сверлящій умы и сердца,
О бѣгствѣ народа въ Остендѣ,
Гдѣ будетъ начало конца?..

О, городъ прославленныхъ устриць
И пепельно-палевыхъ дюнь,
И волнь, голубѣющихъ шустриць, —
О, городъ, трагичный канунъ!..

Ужель затерялась тропинка,
Тропинка туда, подѣ уклонъ,
Въ укромный прiютъ Мэтерлинка,
Дающаго сладостный сонъ?..

Дождя свѣтозарныя нити
Сулятъ плодородье опять...
Помедлите, нѣжно усните, —
Не надо, не стоить бѣжать!..

Намъ нужно дружиѣ сплотиться,
Прявь твой плѣнительный плѣнь,
О Бельгія, синяя птица
Съ глазами принцессы Малэнь!..

1914

Октябрь

Люблю октябрь, угрюмый мѣсяць,
Люблю обмершіе лѣса,
Когда хромаеть ветхій мѣсяць,
Какъ половина колеса.
Люблю мгновенность: лодка... хоботь...
Серпъ... полумаска... лѣса шпиць...
Но кто надтреснулъ лунный ободъ?
Кто воръ лучистыхъ тонкихъ спиць?
Морозомъ выпитыя лужи
Хрустятъ и хрупки, какъ хрусталь;
Дороги грязно — неуклюжи,
И воздухъ сковываетъ сталь.
Какъ бредъ земли больной, туманы
Сердито ползаютъ въ поляхъ
И отстраданные обманы
Дымятъ при блескѣ лунныхъ бляхъ.
И сколько смерти безнадежья
Въ безлистомъ шелестѣ страницъ!
Душѣ не знать любви безбрежья,
Не разрушать душѣ границъ!
Есть что то хитрое въ усмѣшкѣ
Сѣдой улыбки октября,
Въ его сухой ехидной спѣшкѣ,
Когда онъ бродитъ, тьму храбря.
Октябрь и Смерть — въ законѣ пара,
Сліянно — тѣсная чета...
Въ поляхъ — туманъ, какъ саванъ пара,
Въ душѣ — обмершая мечта.
Скелетомъ чернымъ перелѣсець
Пускай пугаетъ: страхъ сожну.
Люблю октябрь, предснѣжный мѣсяць,
И Смерть, развратную жену!..

1910

Поэза о вальдшнепѣ и зайчикѣ

Синеглазый вальдшнепѣ и лукавый зайчикѣ,
Маленькій кусайчикѣ,
Весело играя, бѣгали въ столовой.
Гасъ закатъ лиловый.

Вальдшнепѣ длинноклювый, зайчикова цвѣта,
Сожалѣлъ, что лѣто
Онъ уже отбѣгалъ, — бѣгая, отлѣтилъ,
Милую не встрѣтилъ...

А лукавый зайчикѣ, шерсткою какъ вальдшнепѣ,
Думалъ, что то дальше,
Осенью — зимою, будетъ съ нимъ такое:
Жизнь или жаркое...

Но въ дверяхъ столовой на ковровомъ тигрѣ
Появилась Ингридъ,
И ея любимцы, и ея питомцы
Вновь познали солнце.

И легко подпрыгнувъ, бросился къ ней зайчикѣ,
Ласковый кусайчикѣ,
А за нимъ и вальдшнепѣ поспѣшилъ къ хозяйкѣ
На спинѣ у зайки...

Тіана

Тіана, какъ странно! какъ странно, Тіана!
Былое уплыло, былое ушло...
Я плавалъ морями, садился въ сѣдло,
Бродилъ пилигримомъ въ опалахъ тумана...

Тіана, какъ скучно! какъ скучно, Тіана!
Мадлена — какъ эхо... Мадлена — какъ сонъ...
Я больше уже ни въ кого не влюбленъ!
Влюбляются сердцемъ, но — какъ, если — рана?..

Тіана, какъ жутко! какъ жутко, Тіана!
Я пилъ и выплескивалъ тысячи душъ:
И дѣвчихъ, и женскихъ, — все то же; къ тому жь
Кудеснѣй всѣхъ женщинъ ликеръ изъ банана!..

Тіана, какъ дико! мнѣ дико, Тіана,
Вложить Вамъ билеты въ лиловый конвертъ
И ждать на помпезный поэзо-концертъ:
Вѣдь прежде такъ просто — луна и поляна.

И вдругъ — Вы, снѣгурка, нимфея, ліана,
Вернули мнѣ снова всѣ миги тѣхъ лѣтъ,
Когда я былъ робкій, безвѣстный поэтъ,
О славѣ мечтавшій, — безъ славы дурмана...
Тіана, какъ больно! мнѣ больно, Тіана!

1913

Валентина

Валентина, сколько счастья! Валентина, сколько жуты!
Сколько чары! Валентина, отчего же ты грустишь?
Это было на концертъ въ медицинскомъ институтѣ,
Ты сидѣла въ вестибюлѣ за продажею афишъ.

Выскочивъ изъ ландолета, дѣвушками окруженный,
Я стремился на эстраду, но, меня остановивъ,
Предложила мнѣ программу, и, тобой замороженный,
На мгновенье задержался, созерцая твой извивъ.

Ты зашла ко мнѣ въ антрактъ (не зови его пробѣломъ)
Съ тайной розой, съ красной грезой, съ бирюзовою
грозой
Глазъ восторженныхъ и наглыхъ. Ты была въ про-
стомъ и бѣломъ,
Говорила очень быстро и казалась стрекозой.

Этотъ день!.. Съ него — начало. Телефоны и открытки.
Къ начинаньямъ поэтессы я былъ очень милосердъ,
И когда уже ты стала кандидаткой въ фаворитки,
Ты меня сопровождала ежедневно на концертъ.

А потомъ... Купѣ. Деревня. Много снѣга, лѣса. Святки.
Замороженныя ночи и крещенская луна.
Домикъ. Нѣжно и уютно. Упоенье безъ оглядки.
Валентина безразсудна! Валентина влюблена!

Все прошло, какъ все проходить. И простились мы
неловко :
Я „обманщикъ“, ты сердита, т.-е. просто трафареть.
Валентина, плутоглазка! остроумная чертовка!
Ты чаруйную поэму превратила въ жалкій бредь!

1914

Ты ко мнѣ не вернешься...

„Златѣ“

Ты ко мнѣ не вернешься даже ради Тамары,
Ради нашей дочурки, крошки въ родѣ крола:
У тебя теперь дачи, за обѣдомъ — омары,
Ты теперь подѣ защитой вороного крыла...

Ты ко мнѣ не вернешься: на тебѣ теперь бархатъ;
Онѣ скрываетъ безкрылье утомленныхъ плечей...
Ты ко мнѣ не вернешься: предсказатель на картахъ
Погасилъ за цѣлковый вспышки позднихъ лучей!..

Ты ко мнѣ не вернешься, даже... даже проститься,
Но надъ гробомъ обидно ты намочишь платокъ...
Ты ко мнѣ не вернешься въ тихомъ платьѣ изъ ситца,
Въ платьѣ радостно-жалкомъ, какъ грошовый цвѣтокъ.

Какъ цвѣтокъ... Помнишь розы изъ кисейной бумаги?
О живыхъ ни поль-слова у могильной плиты!
Ты ко мнѣ не вернешься: грезы больше не маги, —
Я умру одинокимъ, понимаешь ли ты?!

День на фермѣ

Изъ лепестковъ цвѣтушихъ розово-бѣлыхъ яблонь
Чай подѣла на поднось дѣвочка весень восьми.
Шли на посѣвъ крестьяне. Бѣгало солнце по граблямъ.
Псу указавъ на галку, баба сказала: „возьми!“

Было кругомъ раздольно! было повсюду майно!
Какъ золотѣла зелень! воздухъ лазурно-крылатъ!
Бросилась я съ плотины, — какъ то совсѣмъ случайно
Будто была нагая, внизъ головой, въ водопадъ!

И потерявъ сознанье отъ высоты паденья,
Я черезъ мигъ очнулась и забурила на мысь...
Я утопляла солнце! плавала цѣлый день я!
А на росѣ, на фермѣ, жадно пила я кумысь.

1912

Фіалка

Морозову-Гоголю

Снѣжѣть дружно, снѣжѣть нѣжно,
Надъ ручейками хрусталитъ хрупъ.
Куда ни взглянешь — повсюду снѣжно,
И сердце хочеть въ лѣсную глубь.

Мнѣ больно — больно... Мнѣ жалко — жалко...
Зачѣмъ мнѣ больно? Чего мнѣ жаль?
Ахъ, я не знаю: ахъ, я — фіалка,
Такъ тихо-тихо ушла я въ шаль.

О ты, чье сердце крылитъ къ раздолью,
Ты, триумфаторъ, ты, властелинъ!
Приди, любуйся моей фіолью —
Моей печалью въ снѣгахъ долинъ.

О ты, чьи мысли всегда крылаты,
Всегда побѣдны, внемли, о ты:
Возьми въ ладони меня, какъ въ латы,
Моей фіолью свята мечты!..

1911

Любовь и Слава

Я полюбилъ двухъ юныхъ королевъ,
Равно влекущихъ строго и лукаво.
Кого мнѣ предпочесть изъ этихъ дѣвъ?
Ихъ имена: Любовь и Слава.

Прекрасныя и гордыя! владѣтъ
Хочу двумя, чарующія, вами.
Въ отвѣтъ надменно блещете очами,
И я читаю въ нихъ: „Не смѣть!“

Влекусь къ любви, — заноситъ ржавый ножъ,
Грозя гангреной, мстительная Слава.
Къ ней поверну, молю ее, — „Направо!“
Кричитъ Любовь: „А я то что-жь?“

— „Вы обѣ дороги“, — стенаю. „Нѣтъ!“
Отвѣтствуютъ мнѣ разомъ дѣвы:
„Одну изъ насъ, — кому свои напѣвы
И жизнь свою вручишь, поэтъ!“

Я выбрать не могу. Прочь, Смерть! — Рабовъ
Удѣлъ — самоубійство! выходъ найденъ:
Дай, Слава, мнѣ питья изъ виноградинъ,
Ты отрави его, Любовь.

1912

Отъездъ Герцогини

Она призадумалась въ дверцахъ
Входя въ броненосный вагонъ.
Грустилъ провожающій герцогъ
Унылымъ движеньемъ погонъ.

И дамы, надѣвшія скальпы,
(Фальшивы прически иныхъ!..)
Ее провожали на Альпы, —
Она уѣзжала отъ нихъ.

Блестѣли на темени глянцы,
Качались въ рукахъ котелки,
И горбили спины не ранцы,
А лишь — поцѣлуи руки.

Всѣ хоромъ желали здоровья
И лгали — до искреннихъ слезъ.
Она же, сомкнувъ чернобровье,
Ждала оживленья колесъ.

Ничто ее здѣсь не держало:
Мужъ-герцогъ давненько потухъ,
А въ Альпахъ, какъ сладкое жало,
Оставленный ею пастухъ.

Упившись мечтательной сказкой,
Забылась и словъ не спасла,
Что герцогъ, махающій каской,
Былъ въ профиль похожъ на осла!..

Хабанера II

Синьоръ За

Вонзите штопоръ въ упругость пробки, —
И взоры женщинъ не будутъ робки!..
Да, взоры женщинъ не будутъ робки,
И къ знойной страсти завьются тропки!..

Плесните въ чаши янтарь муската
И созерцайте цвѣта заката...
Раскрасьте мысли въ цвѣта заката
И ждите, ждите любви раската!..

Ловите женщинъ, теряйте мысли...
Счетъ поцѣлуямъ — пойди, исчисли!..
А къ поцѣлуямъ финалъ причисли, —
И будетъ счастье въ удобномъ смыслѣ!..

1909

Сувениръ критикѣ

Ахъ, поглядите-ка! ахъ, посмотрите-ка!
Какая глупая въ Россіи критика:
Зло насмѣялася надъ „Хабанерою“,
Блеснувъ вульгарною своей манерою.

Въ сатирѣ жалящей искала лирики,
Своей бездарности спѣвъ панегирики,
И не слышала (иль то — политика?)
Моей ироніи глухая критика...

Осталось, звонкими какъ солнце, нотами
Смѣяться автору надъ идіотами,
Да приговаривать: „Ахъ, посмотрите-ка,
Какая подлая въ Россіи критика!“

1910

Мечь

Я пришла къ дверямъ твоимъ

Валерій Брюсовъ

Она въ мои стучалась двери,
Но я дверей не отворялъ.
Она ждала въ упорной вѣрѣ, —
Безстрастно я не довѣрялъ.

И слыша стуки, мысля злобно,
Я ликовалъ, какъ вѣчный звѣрь.
Она звала, любви подобна,
Она ко мнѣ врывалась въ дверь.

— Впусти меня, — она кричала:
Я жизнь несу тебѣ: впусти! —
Ей телько эхо отвѣчало, —
Я не хотѣлъ себя спасти.

Я не хотѣлъ вернуть потери,
Какъ въ штормъ не хочетъ челнъ вѣтриль.
Она мнѣ жизнь бросала въ двери,
А я ей смерть не отворилъ!

1909

Увертюра къ т. VII

Миррэлія — свѣтлое царство,
Край ландышей и лебедей,
Гдѣ нѣтъ ни больныхъ, ни лекарства,
Гдѣ люди не вродѣ людей...

Миррэлія — царство царицы
Прекрасной, премудрой, святой,
Чье имя въ вѣкахъ загорится
Для міра искомой Мечтой!

Миррэлія — вѣчная Пасха,
Гдѣ губы влекутся къ губамъ.
Миррэлія — дивная сказка,
Разсказанная мною вамъ.

Миррэлія — греза о югѣ
Сквозь сѣверный мой кабинетъ.
Миррэлія — можетъ быть, въ Лугѣ,
Но Луги въ Миррэліи нѣтъ!..

Качаетъ тамъ лебеда слива,
Какъ символъ восторговъ любви...
Миррэлія! какъ ты счастлива
Въ небывшемъ своемъ бытіи!

1916 Им. „Бѣльскъ“

Поэза безъ словъ

Съеженная рябина ржаво-краснаго тона...
Пальчиками голубика, съ нѣжной фіолію налета...
 И ворожба болота...
 И колдовство затона...
 И нѣмота полета,
 И крутизна уклона
Мыши летучей, карей... Мѣсяца позолота.

А вдалькѣ — двѣ скрипки, арфы и віолончели,
И долгота антрактовъ, а въ долготѣ — окарины,
 Трели любви соловьиной,
 Палевыя качели,
 Рас голубой балерины,
 Призраки Ботичелли,
И нагота сплетенныхъ Ингриль и фейной Эльгрины...

1916

Поэза строгой точности

Борису Вѣрину

Искусство въ загонѣ, — сознаемся въ этомъ.
Искусство затлила война. Г М
Что дѣлать въ разбойное время поэтамъ,
Поэтамъ, чья лира нѣжна?

Дни розни партійной для насъ безотрадны, —
Дни мелкихъ, ничтожныхъ страстей.
Мы такъ неумѣстны, мы такъ невопадны
Среди озвѣрѣлыхъ людей.

Мы такъ равнодушны къ ихъ жалкимъ раздорамъ
И къ ихъ интересамъ мертвы.
Мы тянемся къ рѣкамъ и къ вольнымъ просторамъ.
И въ шелковый шепотъ травы.

Мы искренно славимъ паденье престоловъ
Во имя свободы людской!
Но, если и послѣ царей мы въ тяжелыхъ Г В
Раздорахъ, мы машемъ рукой!

Союзникъ царизма — для насъ не союзникъ,
Какъ недругъ царизма — не врагъ.
Свободный художникъ зачахнетъ, какъ узникъ,
Попавъ въ политическій мракъ.

Намъ пакостны ваши враждебные будни, —
Мы вѣчнымъ искусствомъ горимъ!
Вы заняты „дѣломъ“, а мы только „трутни“,
Но званьемъ гордимся своимъ!

Отправьте-жъ искусство куда-нибудь къ миеу:
Трещить отъ него материкъ!
И кланяйтесь въ поясъ Голодному Тифу, —
Диктатору вашихъ интригъ!

1917

На мотивъ Фофанова

Я чувствую, какъ падаютъ цвѣты
Черемухи и яблони невинныхъ...
Я чувствую, какъ шепчутся въ гостиныхъ, —
О чемъ? О комъ? Не знаю, какъ и ты.

Я чувствую, какъ таютъ облака
Въ весенній день на небѣ бирюзовомъ,
Какъ кто-то слухъ чаруетъ полусловомъ...
И чей-то вздохъ... И чья то тѣнь легка...

Я чувствую, какъ угасаетъ май,
Томить июнь, и золотятся жатвы...
Но нѣтъ надеждъ, но бесполезны клятвы...
Прощай, любовь! Мечта моя, прощай!

1911

Когда ночами...

Когда ночами все тихо-тихо,
Хочу веселья, хочу огней,
Чтобъ было шумно, чтобъ было лихо,
Чтобъ свѣтъ отъ люстры гналъ сонъ тѣней!

Дворецъ безмолвень, дворецъ пустыненъ,
Беззвучно шепчетъ мнѣ рядъ легендъ...
Ихъ смыслъ болѣзненъ, сюжетъ ихъ длиненъ,
Какъ змѣи черныхъ ползучихъ лентъ...

А сердце плачетъ, а сердце страждетъ,
Вотъ-вотъ порвется, того и ждешь...
Вина, веселья, мелодій жаждетъ,
Но ночь замкнула, — гдѣ ихъ найдешь?

Сверкните, мысли! разсмѣйтесь, грезы!
Пускайся, Муза, въ экстазный плясъ!
И что намъ — призракъ! и что — угрозы!
Искусство съ нами, — и Богъ за насъ!..

1909

Сегодня не приду...

Сегодня не приду; когда приду — не знаю...

Ея телеграмма.

„Сегодня не приду: когда приду — не знаю...“
Я радуюсь веснѣ, сирени, солнцу, маю!
Я радуюсь тому, что вновь растеть трава!
— Подайте мой моторъ. Шофферъ, на Острова!

Пускай меня къ тебѣ влечетъ неудержимо,
Мнѣ хочется забыть, что я тобой любима,
Чтобъ чувствовать острѣй весенній этотъ день,
Чтобъ слаже тосковать... — Въ сирень, шофферъ!
въ сирень!

Я такъ тебя люблю, что быть съ тобою вмѣстѣ
Порой мнѣ тяжело: ты мнѣ, своей невѣстѣ,
Такъ много счастья даль, собой меня впитавъ,
Что отдыхъ отъ тебя среди цвѣтовъ и травъ...

Пощады мнѣ, молю! Я требую пощады!
Я видѣть не могу тебя и мнѣ не надо...
— Нельзя ли по морю, шофферъ?... а на звѣзду?...
Чтобъ только какъ-нибудь: „сегодня не приду“...

Еще Вы дѣвушка

Еще Вы дѣвушка: вѣдь этотъ алый крапать
На блузкѣ лилебатистой — весень...
Еще Вы дѣвушка, читающая Западъ,
Секретъ несущая въ сиреневую сѣнь.

Такая милая!.. Какъ золотистый грошикъ...
Поете молодость на разныхъ голосахъ...
Очарователенъ улычатый горошекъ,
Ушко наивное опутавъ во волосахъ.

И, вотъ что, знаете: возьмите въ руки прутикъ.
И — кто кого теперь?!.. — бѣжимъ на плацъ-
крокетъ.

Еще Вы дѣвушка, еще Вы только лютикъ, —
И я изъ лютиковъ Вамъ подарю букетъ...

1910

Выйди въ садъ...

Выйди въ садъ... Какъ погода ясна!
Какъ застѣнчиво августъ увялъ!
Распустила кораллъ бузина,
И янтарный боярышникъ — вяль.

Эта ягода — яблочко — гномъ...
Какъ кудрявый кротекусъ красивъ!
Скоро осень окутаетъ сномъ
Теплый садикъ, дождемъ оросивъ.

А пока еще — зелень вокругъ,
И вверху безмятежная синь;
И у клена причудливыхъ рукъ —
Много сходнаго съ лапой гусынь.

Какъ оливковы листики грушь!
Какъ призывно плоды ихъ висятъ!
Выйди въ садъ и чуть-чуть поразрушь, —
Это осень простить... Выйди въ садъ.

1909

Катюлинька

Гуля-гулинька, гуля-гулинька,
Съ бѣлымъ крылышкомъ голубокъ...
Это ты, мой другъ, ты Катюлинька?
Ты, Катюлинька, мой дружокъ?

Осень дымчата. Лѣсъ и хижина.
День склоняется. Ночь близка.
Ты обижена... Ты унижена...
Ты любима мной, — какъ тоска...

Двери скрипнули. Бьется крылышко, —
То колышется твой платокъ...
Гдѣ ты, молодость?... гдѣ ты силушка?..
Гдѣ Катюлинька — мой дружокъ?..

1909

Резедовый букетъ

Испуганно внемля далекой ракетѣ,
Когда задремали въ истомѣ сады,
Купая лицо въ резедовомъ букетѣ,
Она понимала мірокъ резеды.

„О, какъ бархатисты, какъ томно-кудрявы,“
Она обращалась чуть слышно къ цвѣтамъ:
„Я вѣрю: вы чутки, и люди неправы,
Когда васъ срываютъ, — вѣдь больно же вамъ...“

Я въ вазу поставлю васъ, цвѣтики, въ вазу
Съ такою холодной прозрачной водой...“
Цвѣты эту ласку восприняли сразу
И къ ней потянулись душистой мечтой.

Онѣ благодарны, цвѣтковые души, —
Она это знала... Но выпалъ букетъ,
И, всѣ ихъ измявъ крошкой-туфелькой въ плюшѣ,
Она разрыдалась, упавъ на паркетъ...

1909

Весенніе тріолеты

Андрею Виноградову.

Еще весной благоухаетъ садъ,
Еще душа весенится и вѣритъ,
Что поправимы страстныя потери, —
Еще весной благоухаетъ садъ...
О, нѣжная сестра и милый братъ!
Мой домъ не спитъ, для васъ раскрыты двери...
Еще весной благоухаетъ садъ,
Еще душа весенится и вѣритъ...

Еще благоухаетъ садъ весной,
Еще въ глазахъ моихъ блестятъ слезинки,
Еще влекутъ въ безвѣстное тропинки, —
Еще благоухаетъ садъ весной...
О, жизнь моя! Ты вся еще предъ мной!
Черемухъ цвѣтъ пророчить мнѣ снѣжинки...
Еще благоухаетъ садъ весной,
Еще въ глазахъ моихъ дрожать слезинки...

А я усталъ! а юность позади!
Зачѣмъ же садъ весной благоухаетъ?
Взоръ отсверкалъ, померкъ и потухаетъ.
И я усталъ... и юность позади...
О, жизнь моя! ты вся еще въ груди!
Вопью тебя, — и сердце восплаеетъ!
Пусть я усталъ, пусть юность позади,
Но садъ еще весной благоухаетъ!..

1913

Восторженная поэза

Восторгаюсь тобой, молодежь! —
Ты всегда, — даже стоя, — идешь.
Но идешь постоянно впередъ,
Гдѣ тебя что-то многое ждетъ.
Не желаю я думать о томъ,
Что съ тобою случится потомъ,
Что, спустя много весень и зимъ,
Будетъ твой крылолетъ отразимъ.
Но пока молодежь молода,
Не погаснетъ на небѣ звѣзда,
Не утопится солнце въ водѣ, —
Да весенятся всѣ и вездѣ!
И смотрю я въ сплошные глаза:
Въ нихъ потопъ, а въ потопѣ — гроза,
А въ грозѣ зацвѣли васильки...
Оттого — я, не зная тоски,
Такъ спю, что и ты запсешь,
Овосторженная молодежь!
Такъ грозѣво възгряну „Ура“,
Что умереть безвоскресно вчера!
И вонзаю я въ завтра копье,
Прославляя Сегодня твое!

1914

Весенній день

Дорогому К. М. Фофанову

Весенній день горячъ и золотъ, —
Весь городъ солнцемъ ослѣплень!
Я снова — я: я снова молодъ!
Я снова весель и влюблень!

Душа поетъ и рвется въ поле,
Я всѣхъ чужихъ зову на „ты“...
Какой просторъ! Какая воля!
Какіе пѣсни и цвѣты!

Скорѣй бы — въ бричкѣ по ухабамъ!
Скорѣй бы — въ юные луга!
Смотрѣть въ лицо румянымъ бабамъ!
Какъ друга, цѣловать врага!

Шумите, вешнія дубравы!
Расти, трава! цвѣти, сирень!
Виновныхъ нѣтъ: всѣ люди правы
Въ такой благословенный день!

1911

Гатчинскій весенній день

Тридцатый годъ въ лицо мнѣ вѣтъ
Веселый свѣтлый майскій день.
Тридцатый разъ сиреневѣтъ
Въ саду душистая сирень.

„Сирень“ и „день“! нѣтъ рифмъ банальнѣй!
Милѣй и слаще нѣтъ зато!
Кто знаетъ рифмы музыкальнѣй
И вдохновеннѣй знаетъ кто?!

„Сирень“ и „день“! Какъ опьяненно
Звучите вы въ душѣ моей!
Какъ я на мѣръ смотрю влюбленно,
Пьянъ сномъ сиреневыхъ кистей!

Пока я живъ, пока я молодъ,
Я буду вѣчно пѣть сирень!
Весенній день горячъ и золотъ, —
Виновныхъ нѣтъ въ весенній день!

1917

Улора С. романъ 1887 года?

to ill.

28. VII. 742.

Пляска мая

„Въ могилѣ мракъ, въ объятяхъ рай,
Любовь — земли услада!..“

Ал. Будищевъ

Вдалекѣ отъ фабрикъ, вдалекѣ отъ станцій,
Не въ лѣсу дремучемъ, но и не въ селѣ —
Старая плотина, на плотинѣ танцы,
Въ танцахъ поселяне, всѣ навеселѣ.

Покупаютъ парни у торговки дули,
Тыквенное сѣмя, каріе рожки.
Тутъ безпопья свадьба, тамъ кого-то вздули.
Шопоты да взвизги, пѣсни да смѣшки.

Точно гудъ пчелиный — гуторъ на полянкѣ:
— Любишь ли, Акуля?.. — „Дьяволъ не замай!..“
И подъ звуки шустрой, удалой „тальянки“
Пляшетъ на плотинѣ самъ царевичъ Май.

Разошелся браво пламенный красавецъ,
Зашумѣли липы, зацвѣла сирень!
Вѣтерокъ цѣлуетъ въ губы всѣхъ красавицъ,
Май пошелъ вприсядку въ шапкѣ на-бекрень.

Но не видятъ люди молодого Мая,
Чувствуя душою близость удалца,
Весела деревня, смутно понимая,
Что царевичъ броситъ въ пляскѣ два кольца.

Кто подниметь кольца — жизнь тому забава
Упоенье жизнью не для мѣдныхъ лбовъ!
Слава Маю, слава! Слава Маю, слава!
Да царятъ надъ міромъ Солнце и Любовь!

1910

Русская

Кружеветъ, розовѣтъ утромъ лѣсъ,
Паучекъ по паутинкѣ вверхъ полѣзъ.

Бриллиантится веселая роса ;
Что за воздухъ ! что за свѣтъ ! что за краса !

Хорошо гулять утрами по овсу,
Видѣть птичку, лягушенка и осу,

Слушать соннаго горлана-пѣтуха,
Обмѣняться съ дальнимъ эхо : „ха-ха-ха !“

Ахъ, люблю безцѣльно утромъ покричать,
Ахъ, люблю въ березахъ дѣвку повстрѣчать,

Повстрѣчать и, опираясь на плетень,
Гнать съ лица ея предутреннюю тѣнь,

Пробудить ея невыспавшійся сонъ,
Ей повѣдать, какъ въ мечтахъ я вознесенъ,

Обхватить ея трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни какъ-нибудь !

1910

Въ паркѣ плакала дѣвочка

Всеволоду Свѣтланову

Въ паркѣ плакала дѣвочка: „посмотри-ка ты,
папочка,
У хорошенькой ласточки переломлена лапочка, —
Я возьму птицу бѣдную и въ платочекъ укутаю...“
И отецъ призадумался, потрясенный минутою,
И простилъ всѣ грядущіе и капризы, и шалости
Милой, маленькой дочери, зарывавшей отъ жалости.

1910

Поэза бѣлой сирени

Бѣлой ночью въ бѣлыя сирени,
Призракомъ возникшія, приди,
И цѣлуй, и нѣжь, и на груди
Дай упиться сонмомъ упоеній...
И цѣлуй, и нѣжь, и утуди...

Бѣлой ночью бѣлые привѣты...
Ласкъ больныхъ весеннихъ полусны...
И любовь, и вѣянье весны...
Полутемени и полусвѣты...
И любовь... И чувства такъ лѣсны...

Эта ночь совсѣмъ, совсѣмъ живая!
Въ эту ночь приди ко мнѣ, приди!
И судьбу свою опереди...
А сирень цвѣтетъ, слегка кивая!
А любовь растеть, легка въ груди!

1917

Маргаритки

О, посмотри! какъ много маргаритокъ —
И тамъ, и тутъ...
Онѣ цвѣтуть; ихъ много; ихъ избытокъ;
Онѣ цвѣтуть.

Ихъ лепестки трехгранные — какъ крылья,
Какъ бѣлый шелкъ...
Вы — лѣта мощь! Вы — радость изобилья!
Вы — свѣтлый полкъ!

Готовь, земля, цвѣтамъ изъ росъ напитокъ,
Дай сокъ стеблю...
О, дѣвушки! о звѣзды маргаритокъ!
Я васъ люблю...

1909

Очамъ твоей души

Очамъ твоей души — молитвы и печали,
Моя болѣзнь, мой страхъ, плачь совѣсти моей,
И все, что здѣсь въ концѣ, и все, что здѣсь въ
началѣ, —

Очамъ души твоей...

Очамъ души твоей — сиренью упоенье
И литургія — гимнъ жасминовымъ ночамъ ;
Все-все, что дорого, что будить вдохновенье, —
Души твоей очамъ !

Твоей души очамъ — видѣній страшныхъ клиры...
Казни меня ! пытай ! замучай ! задуши ! —
Но ты должна принять !.. И плачь и хохоть лиры —
Очамъ твоей души !..

1909

Тринадцатая

Новелла

У меня дворець двѣнадцатизэтажный,
У меня принцесса въ каждомъ этажѣ,
Подглядѣль-подслушалъ какъ-то вихрь протяжный, —
И объ этомъ знаетъ цѣлый свѣтъ уже.

Знаетъ, — и прекрасно! сердцемъ не плутую!
Всѣхъ люблю, двѣнадцать, — хоть на эшафотъ!
Я настрою арфу, арфу золотую,
Ничего не скрою, все скажу... Такъ вотъ:

Всѣ мои принцессы — любящія жены,
Я, ихъ повелитель, любящій ихъ мужъ.
Знойнымъ поцѣлуемъ груди ихъ прожжены,
И въ каскады слиты ручейки ихъ душъ.

Каждая другъ друга дополняетъ тонко,
Каждая прекрасна, въ каждой есть свое:
Та груститъ беззвучно, та хохочетъ звонко, —
Радуется сердце любое мое!

Поровну люблю я каждую принцессу,
Царски награждаю каждую собой...
День и ночь хожу по лѣстницѣ, завѣсу
Очередной спальни дергая рукой...

День и ночь хожу я, день и ночь не сплю я,
Въ упоеньи мигомъ некогда тужить.
Жизнь — отъ поцѣлуя, жизнь — до поцѣлуя,
Вѣчное забвенье не даетъ мнѣ жить.

Но бывают ночи: заберусь я в башню,
Заберусь одинъ въ тринадцатый этажъ,
И смотрю на море, и смотрю на пашню,
И чаруетъ греза все одна и та-жь :

Хорошо бы въ этой комнатѣ стеклянной
Пить златистогрезый черный виноградъ
Съ вѣчно-безымянной. странно такъ желанной,
Той, кого не знаю и узнать не радъ.

Скалы молятъ звѣзды, звѣзды молятъ скалы,
Смутно понимаю тайну скалъ и звѣздъ, —
Наполняю сокомъ и душой бокалы
И провозглашаю безотвѣтный тостъ

1910

Посвященіе

Тебя не зная — всюду, всюду
Тебя искалъ я, сердцемъ юнъ :
То плыль на голубую Суду,
То на нахмуренный Квантунъ...

Мнѣ много женскихъ душъ дарило
Свою любовь, свою печаль...
Въ нихъ не найдя тебя, вѣтрило
Я поднималъ — и снова въ даль!

Такъ за второй встрѣчалась третья...
Но не было межъ нихъ тебя...
Я не отчаивался встрѣтить
Тебя, владычица моя!

Тогда, безплотная донинѣ,
Пріяла ты земную плоть :
Весной, въ поляхъ, подъ небомъ синимъ,
Съ тобой насъ съединилъ Господь.

Твой перъвый взглядъ явилъ мнѣ чудо
(Онъ — незабвенный амулетъ!) :
И ты меня искала всюду,
Какъ я тебя, пятнадцать лѣтъ!

Найти другъ друга, вотъ — отрада!
А жизнь вдвоемъ — предтеча тьмы...
Намъ больше ничего не надо :
Лишь другъ внѣ друга — вмѣстѣ мы!

1912

Ея монологъ

Не можетъ быть! вы лжете мнѣ мечты!
Ты не сумѣлъ забыть меня въ разлукѣ...
Я вспомнила, когда, въ приливѣ муки,
Ты письма сжечь хотѣлъ мои... сжечь!.. ты!..

Я знаю, жгутъ безцѣнные дары:
Жжетъ молнія надменные вершины,
Поэтъ — изъ перловъ бурные костры,
И фабрикантъ — дубравы для машины;

Безчувственные люди жгутъ сердца,
Забышія для нихъ про все на свѣтѣ;
Разбойникъ жжетъ святилище дворца,
Гордящагося пиршествомъ столѣтій;

И гени сжигаютъ мощь свою
На алкогольъ — символѣ безсилія...
Но письма сжечь, — гдѣ я тебѣ пою
Свою любовь! гдѣ распускаю крылья!

Ихъ сжечь нельзя — какъ вѣчной красоты!
Ихъ сжечь нельзя — какъ солнечнаго неба!
Въ нихъ отзвуки Эдема и Эреба...
Не можетъ быть! вы лжете мнѣ, мечты!

1909

Два дня въ саду осеннемъ...

(Стихотвореніе диллетантки.)

Вчера.

Зачѣмъ вы расцвѣли, осенніе цвѣты?
Замерзните... засохните... увяньте...
Вы говорите мнѣ о горестномъ талантѣ,
О юности моей, о жаждѣ красоты.
Я такъ утомлена, мнѣ нуженъ лишь покой,
Веснѣ возврата нѣтъ, мѣчты мои померкли...
Мнѣ все равно: среда; суббота ли, четвергъ ли, —
Живу я не живя, замерзла я душой...
Но было время... да! была я молода,
Я вѣрила, ждала... надѣялась... страдала...
Но не было „его“... Сирень благоухала,
И яблони цвѣли... и вяли безъ плода!
А я-то! я-то! я!.. Какъ я хотѣла жить,
Любить, безумствовать, смѣяться до рыданья!
И вотъ явился „онъ“... Но новыя страданья
Онъ мнѣ принесъ съ собой: онъ не умѣлъ любить!
Онъ не постигъ моей трепещущей души, —
Онъ не сумѣлъ постичь... онъ понялъ только тѣло...
А я его всего, всего его хотѣла!..
За всѣ мои „цвѣты“ онъ могъ мнѣ дать... „гроши“!..
О, я превозмогла отчаянье и стыдъ, —
Его отвергла я, Я, гордая, не пала...
Окаменѣла я... Сирень благоухала...
И яблони цвѣли... но ихъ бесплодный видъ
Внушалъ холодный страхъ и навѣвалъ печаль мнѣ...
Спасаясь отъ себя, я вышла замужъ; мужъ
Остался мнѣ чужимъ, — и безъ сліянья душъ
Я зачала дѣтей въ своей трагичной спальнѣ...
Люблю ли я дѣтей? О, да! они — исходъ
Безвыходной мечты... Они — мое забвенье.

А я все жду „его“, не вѣря въ появленье, —
И снова нѣтъ „его“... Въ мечтѣ — сирень цвѣтетъ,
И яблони безплодные цвѣтущи...
Но я утомлена... Веснѣ возврата нѣтъ...
Осенніе цвѣты! гасите же свой свѣтъ:
Пока цвѣтете вы, мои лученья пуще...

Сегодня.

Благоухайте вы, осенніе цвѣты!
Молю, помедлите... да пощадить васъ тлѣнье...
„Онъ“ самъ пришелъ ко мнѣ, онъ принялъ воплощенье
Но я... гоню „его“... чтобъ сохранить... мечты!

1911

Вeгсеuse осенній

День асосизъ. Лимонолистный лѣсъ
Драприть стволы въ туманную тунику.
Я въ глушь иду, подъ осени вeгсеuse,
Беру грибы и горькую бруснику.

Кто мнѣ сказалъ, что у меня есть мужъ
И трижды овесененный ребенокъ?..
Вѣдь, это вздоръ! вѣдь, это просто чушь!
Ложусь въ траву, теряя пять гребенокъ...

Поеть душа, подъ осени вeгсеuse,
Надежно ждетъ и сладко-больно вѣрить,
Что онъ придетъ, галантный мой Экссессъ,
Меня возьметъ и дѣвственно озвѣрить.

И утоливъ мой алчущій инстинктъ,
Вернетъ меня къ моей безцѣльной яви,
Оставивъ мнѣ незримый гiацинтъ,
Святѣ вербъ и кризантѣмъ лукавѣй...

Иду, иду, подъ осени вeгсеuse,
Не находя нигдѣ отъ грезы мѣста.
Мнѣ хочется, чтобъ сгинулъ, чтобъ исчезъ
Тотъ домъ, гдѣ я — замужня невѣста!..

1912

Примитивный романсъ

Моя ты или нѣтъ? Не знаю... не пойму...
Но ты со мной всегда, сама того не зная.
Я завтра напишу угрюмцу твоему,
Чтобъ онъ тебя пустилъ ко мнѣ, моя родная!

Боюсь, онъ не пойметъ; боюсь, осудить онъ;
Боюсь, тебя чернить онъ станетъ подозрѣнемъ...
Приди жъ ко мнѣ сама! Ты слышишь-ли мой стонъ?
Ты вѣришь ли тоскѣ и позднимъ сожалѣньямъ?

Иль нѣтъ, не приходи! и не пиши въ отвѣтъ!
Лишь будь со мной и впредь, сама того не зная:
Такъ лучше... такъ больнѣй... Моя ты или нѣтъ?
Но я... я твой всегда, всегда, моя родная!

1912

Соната

Каждый вечеръ вы вѣете мимо
Въ темномъ платьѣ и съ блѣднымъ лицомъ,
Какъ гетера усладнаго Рима,
Какъ Марія съ зачатымъ Христомъ.

Я всегда вижу только вашъ профиль,
Потаенно-печальный овалъ
И въ Магдалахъ ли васъ, на Голгофѣ-ль,
Только, помню, когда-то знавалъ.

На меня никогда, никогда вы
Не взглянули, не смѣли взглянуть :
Вашу память душили удавы,
И мѣдянки окольчили грудь.

И пока полносердно съ балкона
Я, ледѣя, смотрѣлъ вамъ во слѣдъ,
Богоматери меркла икона,
И дрожалъ я войти въ кабинетъ :

Мнѣ казалось, что гасла лампада,
И пустѣлъ, закрываясь, кіотъ...
Все я ждалъ, что изъ роснаго сада
Кто-то дѣвно меня позоветъ...

И на мигъ несказаннымъ обмануть,
Я спѣшилъ на несказанный зовъ,
И не видѣлъ, какъ ландыши вянуть
Отъ моихъ недостойныхъ шаговъ.

„Викторія-Регія“

Наша встрѣча — Викторія-Регія:
Рѣдко, рѣдко въ цвѣту...
До и послѣ нея жизнь — элегія
И надежда въ мечту.

Ты придешь, — изнываю отъ нѣги я,
Трепещу на лету
Наша встрѣча — Викторія-Регія:
Рѣдко, рѣдко въ цвѣту...

1909

Земля и Солнце

Вселенская поэма

Земля любить Солнце за то,
Что Солнце горитъ и смѣется.
А Солнце за то любить Землю,
Что плачетъ и мерзнетъ она.
Не сблизиться имъ никогда,
Они и далеки, и близки;
Пока не остынетъ свѣтило,
Живетъ и страдаетъ Земля.
Хотя у нихъ общаго нѣтъ,
Не могутъ прожить другъ безъ друга:
Земля для того и живетъ вѣдь,
Чтобъ только на Солнце смотрѣть.
Оно для нея — идеаль,
Любимая, вѣчная греза;
А Солнце живетъ для того лишь,
Чтобъ Землю холодную грѣть.
Они неизмѣнны въ любви,
И, если не видятся долго,
Виною — нелѣпныя тучи,
Которыя ихъ разлучать.
Разлука рождаетъ тоску,
И Солнце томится и страждетъ,
И жаждетъ скорѣе свиданья
Съ далекой, но милой Землей.
Влюбленные видятся днемъ,
Встрѣчаясь всегда на разсвѣтѣ;
Но къ часу вечернему солнце
Улыбно уходитъ домой.
А если бъ оно не ушло
Въ урочное время — отъ жара
Земля бы блаженно зачахла,
И было бъ виновно оно.

А если бь оно не ушло
Три дня и три долгія ночи,
Земля бы сама запылала
И ярче, чѣмъ Солнце само!
Тогда бы погибла любовь! —
Когда бы увидѣло Солнце,
Что больше земля не тоскуеть...
Пускай бы погибла любовь!
Тогда бы погибла мечта! —
Когда бы увидѣло Солнце
Веселой и радостной Землю...
Пускай бы погибла мечта!
Въ своей всепобѣдной любви
Свѣтило готово на жертву —
Отдать и сіянье, и пламя
Для блага, для счастья Земли.
Не хочетъ, боится Земля
Сравняться съ прекраснымъ свѣтиломъ:
Кому же тогда ей молиться?
Кого же тогда ей любить?

Страданье — природы законъ...
Нѣтъ равной любви на планетѣ...
— Тебя я люблю за безсилье,
Ты любишь за силу меня.

1911

Красота передсмертная

Безнаказанно не воплощается
Цѣломудренная мечта, —
И Тринадцатая встрѣчается
Въ бѣлыхъ лиліяхъ у креста...
А встрѣчается, — начинается
Передсмертная красота.

Встрѣтилъ женщину небывалую,
Невозможную на землѣ, —
Береги ее, такъ усталую,
Такъ озлобленную въ зѣмномъ злѣ.
Всею нѣжностью запоздалою
Возожги восторгъ на челѣ.

До Тринадцатой — жизни не было:
Повстрѣчавшаяся — конецъ:
Отвергающая — жизнь потребовала
И сплела гробовой вѣнецъ.
Все ошибочное вдругъ ослѣпло,
Какъ прозрѣла правда сердець.

Въ свѣтлой мрачности, въ мрачной свѣтлости,
Въ скорбной радостности конца —
Столь значительныя незамѣтности
Предназначеннаго лица.
Я молюсь твоей нѣжной блѣдности,
И въ глазахъ твоихъ — два кольца...

1915

Поэза предвесеннихъ трепетовъ

О. С.

Весеннимъ вѣтромъ вѣютъ лица
И таютъ, проблагоухавъ.
Тѣламъ легко и сладко слиться
Для весенѣющихъ забавъ.

Я снова чувствую томленье
И нѣжность, нѣжность безъ конца...
Твои уста, твои колѣни
И вздохъ мимознаго лица, —

Лица, котораго безчертны
Неуловимыя черты:
Снѣгурка съ темпомъ сердца серны,
Газель оснѣженная ты.

Смотрѣть въ глаза твои русалчи
И въ нихъ забвенно утопать!
Изнѣжные цвѣты фіальчи
Подъ ними четко намѣчать.

И видѣть уходящій поѣздъ
И путь безъ станцій, безъ платформъ,
Читать безъ окончанья повѣсть, —
Душа Поэзіи — внѣ формъ.

1913

Завѣтъ

Не убивайте голубей.

Мирра Лохвицкая.

Цѣлуйте искреннѣй уста —
Для васъ раскрытые бутоны,
Чтобъ ихъ не изсушили стоны,
Чтобъ не поблекла красота!
Съ мечтой о благодати Мадонны
Цѣлуйте искреннѣй уста!

Прощайте пламеннѣй враговъ,
Вамъ причинившихъ горечь муки,
Сковавшихъ холодомъ разлуки,
Топящихъ въ злѣ безъ береговъ.
Дружнѣй протягивайте руки,
Прощайте пламеннѣй враговъ!

Страдайте стойче и святѣй,
Познавъ величіе страданья.
Да не смутятъ твои рыданья
Покоя свѣтлаго дѣтей!
Своимъ потомкамъ въ назиданье
Страдайте стойче и святѣй!

Любите глубже и вѣрнѣй —
Какъ любятъ васъ, не разсуждая,
Своимъ порывомъ побуждая
Гнать сонмы мертвенныхъ тѣней...
Безсмертенъ, кто любилъ, страдая, —
Любите глубже и вѣрнѣй!

1909

Пушкинъ

Онъ, это — чудное мгновенье,
Запечатлѣнное въ вѣкахъ!
Онъ — воплощенье вдохновенья,
И передъ нимъ безсилень прахъ...

Лишь онъ одинъ изъ всѣхъ живущихъ.
Не сталъ, скончавшись, мертвецомъ:
Онъ вѣчно живъ во всѣхъ поющихъ,
И смерть здѣсь не звучитъ „концомъ“.

Въ его созданьяхъ Красота вѣдь
Показываетъ вѣчный ликъ.
Его намъ мертвымъ не представить
Себѣ, и этимъ онъ великъ!

Пускай онъ старъ для современья
Но современье для него
Ничтожно: вѣдь его мгновенье
Прекраснѣй вѣка моего!

1918

Эпилогъ

1.

Я, геній Игорь-Съверянинъ,
Своей побѣдой упоенъ :
Я повсеградно оэкраенъ !
Я повсесердно утверждень !

Отъ Баязэта къ Портъ-Артуру
Черту упорную провелъ.
Я покоришь Литературу !
Взорлиль, гремящій, на престоль !

Я, — годъ назадъ, — сказалъ : „Я буду !“
Годъ отсверкаль, и вотъ — я есть !
Среди друзей я зрилъ Іуду,
Но не его отвергъ, а — мечь.

— Я одинокъ въ своей задачѣ !
Прозрѣнно я провозгласилъ.
Они пришли ко мнѣ, кто зрячи,
И, давъ восторгъ, не дали силъ.

Насъ стало четверо, но сила
Моя, единая, росла.
Она поддержки не просила.
И не мужала отъ числа.

Она росла, въ своемъ единствѣ
Самодержавна и горда, —
И, въ чаровомъ самоубійствѣ,
Шатнулась въ мой шатеръ орда...

Отъ снѣгоскалаго гипноза
Бѣжали двое въ тлѣнь болотъ;
У каждаго въ плечѣ заноза, —
Зане болѣзненъ бѣглыхъ взлетъ.

Я ихъ привѣтилъ: я умѣю
Привѣтить все, — божи, Привѣтъ!
Лети, голубка, смѣло къ змѣю!
Змѣя! обвѣй орла въ отвѣтъ.

2.

Я выполнилъ свою задачу,
Литературу покоривъ.
Бросаю сильнымъ наудачу
Завоевателя порывъ.

Но даровавъ толпѣ холоповъ
Значенье собственнаго „я“,
Отъ пыли отряхаю обувь,
И вновь въ просторъ — стезя моя.

Схожу насмѣшливо съ престола
И, нынѣ свѣтлый пилигримъ,
Иду въ застѣнчивые доли,
Презрѣвъ ошеломленный Римъ.

Я изнемогъ отъ льстивой свиты
И по природѣ я взалкалъ.
Мечты съ цвѣтами перевиты,
Росой накопленъ мой бокалъ.

Мой мозгъ прояснили дурманы,
Душа влечется въ Примитивъ,
Я вижу росные туманы!
Я слышу липовый мотивъ!

Не ученикъ, и не учитель
Великихъ другъ, ничтожныхъ братъ,
Иду туда, гдѣ вдохновитель
Моихъ исканій — говоръ хать.

До долгой встрѣчи! Въ беззаконцѣ
Вѣротерпимость хороша.
Въ ненастный день взойдетъ, какъ солнце,
Моя вселенская душа!

1912

Бібліографія

Стихи, вошедшіе въ эту книгу, взяты изъ слѣдующихъ томовъ:

т. I — „Громокипящій кубокъ“

„Фиолетовый трансъ“, „Полонезъ Титанія“, „Мороженое изъ сирени“, „Качалка грезэрки“, „Маріонетка проказъ“, „Сонаты въ штормъ“, „Шампанскій полонезъ“, „Это было у моря“, „Зизи“, „Каретка куртизанки“, „Нелли“, „Клубъ дамъ“, „M-me Sans-Gêne“, „Диссона“, „Ты ко мнѣ не вернешься“, „День на фермѣ“, „Фіалка“, „Любовь и Слава“, „Октябрь“, „Литарная элегія“, „Письмо изъ усадьбы“, „Въ грѣхѣ забвеньє“, „На мотивъ Фофанова“, „Весенній день“, „Пляска Мая“, „Русская“, „Въ паркѣ плакала дѣвочка“, „Маргаритки“, „Очамъ твоей души“, „Тринадцатая“, „Посвященіе“, „Ея монологъ“, „Berceuse осенній“, „Примитивный романсъ“, „Victoria Regia“, „Земля и Солнце“, „Завѣтъ“, „Эпилогъ“.

т. II — „Златолира“

„Прощѣтъ Амазоніи“, „Самоубійца“, „Хабанера II“, „Поэза безъ названья“, „Когда ночами“, „Еще Вы дѣвушка“, „Два дня въ саду осеннемъ“, „Поэза предвесеннихъ трепетовъ“.

т. III — „Ананасы въ шампанскомъ“

„Цвѣтокъ букета дамъ“, „Въ блестящей тѣмѣ“, „Увертюра къ т. III“, „Поэза о тысяча первомъ знакомствѣ“, „Валентина“, „Граціоза“, „Барбарисовая поэза“.

т. IV — „Victoria Regia“

„Поэза трехъ принцессъ“, „Сувениръ критики“, „Поэза о Бельгии“, „Тіана“, „Сегодня не приду“, „Весенніе тріолеты“, „Восторженная поэза“, „Соната“

т. V — „Поэзоантрактъ“

„Диөирамбъ“, „Женщина въ тюльбери“, „Все глуше паркъ“, „Выйди въ садъ“, „Катюлинька“, „Резедовый букетъ“.

т. VI — „Гость безотвѣтнѣй“

„Поэза издалека“, „Красота передсмертная“.

т. VII — „Миррэлія“

„Поэза алыхъ тувель“, „Гастрономы древности“, „Поэза странностей жизни“, „Поэза лунныхъ настроений“, „Поэза о вальдшнепѣ и зайчикѣ“, „Любопытство Эклерезиты“, „Эпиталама Ингридъ“, „Увертюра къ тому VII“, „Поэза безъ словъ“, „Поэза строгой точности“, „Гатчинскій весенній день“, „Поэза бѣлой сирени“.

т. VIII — „Ручьи въ лиліяхъ“

„За чаемъ послѣ оперы“, „Это сонъ или бредъ“, „Увертюра къ т. VIII“, „Месть“.

т. IX — „Соловей“

„Соната Изелина“, „Интродукція“, „Пушкинъ“.

т. X — „Настройка лиры“

„Версеусе сирени“, „Сердце печалься“, „Отъѣздъ герцогини“.

Книги Игоря-Съверянина

т. I	— 10 изданій	— 31348 экз.
т. II	— 6	— 9800 ”
т. III	— 4	— 12960 ”
т. IV	— 3	— 8950 ”
т. V	— 2	— 4180 ”
т. VI	— 1	— 6500 ”
т. VII, VIII, IX и X	печатаются.	

„За струнной изгородью лиры“ — 12400 экз.

Всего 86138 экз.

Поэзовечера Игоря-Съверянина

Отчетъ за 5 сезонъ (съ 1913 г.)

Петроградъ — 23 вечера; Москва — 25; Харьковъ — 9; Одесса, Тифлисъ — по 3; Ростовъ-на-Дону, Курскъ, Екатеринодаръ, Тверь, Полтава, Саратовъ — по 2; Кіевъ, Екатеринославъ, Елисаветградъ, Псковъ, Казань, Орель, Кутаисъ, Баку, Армавиръ, Новороссійскъ, Таганрогъ, Ярославль — по 1.

Всего 87 вечеровъ

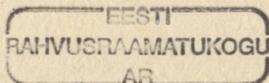
Многіе стихи изъ этой книги переведены на
английскій, польскій, грузинскій, эстонскій и др. языки.

Нѣкоторые стихи изъ этой книги переложены
на музыку композиторами: С. Рахманиновымъ, А.
Архангельскимъ, Ю. Кельбергомъ, Н. Цибульскимъ,
М. Багриновскимъ, М. Якобсономъ, Малявинымъ,
Вильбушевичемъ и др.

Ar 919

Северянин

124

138.499 x

35. - 184861087

50-

Ајалеће
„ВРС И ПНЈ“
ТАЛИТУС
ТАЛИТУС.